

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ИОСИ АДДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН

Расследует
отдел «Q»

ЖУРНАЛ 64

Детектив, от которого вы наверняка не сможете оторваться,
если начнете читать.

Nordjyske Stiftstidende

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Юсси Адлер-Ольсен

Журнал 64

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

Адлер-Ольсен Ю.

Журнал 64 / Ю. Адлер-Ольсен — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20915-2

Департамент «Q» копенгагенской полиции расследует давнее нераскрытое дело об исчезновении некой Риты Нильсен, владелицы элитного эскорт-агентства. И вот что удастся выяснить: одновременно с ней бесследно пропали еще пятеро человек, а ведь по статистике подобные происшествия довольно редки. Причем все эти люди отправились в Копенгаген, потому что получили приглашения к некой Нэте Германсен... Но как они с ней связаны? И кто же она сама — тоже жертва или хладнокровная убийца? Чем дальше продвигаются в расследовании Карл Мёрк и его коллеги, тем больше подвергают опасности собственную жизнь. Вскоре полицейские понимают, что за этим делом стоят многочисленные жестокие преступления и что прошлое еще не умерло.

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-389-20915-2

© Адлер-Ольсен Ю., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
1	11
2	19
3	25
4	28
5	34
6	39
7	44
8	49
9	56
10	61
11	67
12	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Юсси Адлер-Ольсен

Журнал 64

*Посвящается моим родителям, Карен Маргрет и Хенри Ольсен, а
также моим сестрам, Элсебет, Марианне и Винне*

Jussi Adler-Olsen
JOURNAL 64

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2010
Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark & Banke, Goumen & Smirnova
Literary Agency, Sweden
All rights reserved

© В. В. Жиганова, перевод, 2012, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Душевная признательность Ханне Адлер-Ольсен за ежедневное вдохновение, поддержку и мудрую профессиональную помощь.

Также я благодарен Фредди Мильтону, Эдди Кирану, Ханне Петерсен, Мику Шмальстигу и Карло Андерсену за необходимые и подробные советы, Анне С. Андерсен за точные замечания и неоценимую помощь.

Отдельное спасибо Нильсу и Марианне Хорбро, Гитте и Петеру К. Раннес, а также Датскому центру авторов и переводчиков «Хальд» за оказанное гостеприимство.

Благодарю комиссара полиции Лайфа Кристенсена за щедро переданный опыт и поправки, касающиеся работы полиции.

Спасибо АО «Сунд энд Бельт», архиву Датского радио, Марианне Фрюд, Курту Редеру, Бирте Фрид-Нильсен, Улле Юде, Фриде Торуп, Гюрит Кабер, Карлу Равну и Сес Новелла за вклад каждого из них в мое исследование «Женского дома» на Спрогё.

Пролог

Ноябрь 1985 года

Она совершенно неожиданно расчувствовалась. В руке – прохладная тонкая ножка фужера с шампанским, вокруг – гул голосов, муж обнимает ее за талию. Если не считать периода влюбленности, то лишь считанные мгновения из детства могли сравниться с ощущениями, испытываемыми ею в эти секунды. Голос бабушки, внушающий чувство безопасности. Приглушенный смех, доносящийся сквозь дрему. Смех тех, кого уже давно нет на свете...

Тут Нэте сжала губы, чтобы не позволить чувствам овладеть собой. Иногда такое случалось.

Приосанившись, она оглядела палитру ярких платьев и безупречно прямые спины. На ужин в честь датских лауреатов Большой Скандинавской премии по медицине народу собралось немало. Ученые, врачи, сливки общества. Среда, которую она не назвала бы своей, но в которой с годами чувствовала себя все более комфортно.

Сделав глубокий вдох, Нэте собралась удовлетворенно выдохнуть, как вдруг за женскими высокими прическами и мужскими воротничками с туго завязанными галстуками-бабочками заметила слишком пристально устремленный на нее взгляд. Такой откровенный взор, плохо поддающийся определению и приводящий в трепет, мог принадлежать лишь одному человеку. Инстинктивно она метнулась в сторону, подобно затравленному животному, ищущему убежища в зарослях. Нэте положила ладонь на руку мужа и попыталась улыбнуться, блуждая глазами меж нарядных мужчин и женщин.

Какая-то женщина, рассмеявшись, запрокинула голову назад, тем самым открыв обзор до дальней стены зала.

Именно там он и стоял.

Его фигура возвышалась над всеми, как маяк. Даже несмотря на сутулость и кривые ноги, он был громаден; его взгляд скользил по толпе как прожектор.

Нэте вновь почувствовала пронизывающую глубину этого внимательного взгляда, четко осознав, что, не отреагировав немедленно, вся ее жизнь рухнет в считанные секунды.

– Андреас, – произнесла Нэте, взявшись за горло, уже пересохшее от волнения. – Давай уйдем. Мне что-то нехорошо.

* * *

Большого и не требовалось. Муж сдвинул темные брови, кивнул окружающим и повернулся к выходу, подхватывая Нэте под руку. За такую отзывчивость она и любила его.

– Спасибо, – поблагодарила Нэте. – Я сожалею, но у меня снова болит голова.

Андреас кивнул. Слишком хорошо он знал все это по себе. Долгие темные вечера в гостиной в моменты приступов мигрени...

Их объединяло в том числе и это.

Они уже дошли до массивной лестницы праздничного зала, когда перед ними неожиданно оказался высокий мужчина.

Он заметно постарел, насколько Нэте могла заметить. Прежде сверкающие глаза теперь потускнели. Волосы совсем поседели. Двадцать пять лет сделали свое дело.

– Нэте, неужто ты здесь? В последнюю очередь я рассчитывал встретить в таком обществе тебя, – быстро сказал он.

Она потянула своего мужа прочь, но это не остановило преследователя.

– Ты что, не помнишь меня, Нэте? – раздался сзади голос. – Да нет, помнишь... Я Курт Вад. Ты прекрасно помнишь меня.

Он настиг их на полпути вниз.

– Наверное, ты личная шлюха директора Росена... Каких высот достигла, подумать только!

Она попыталась тащить мужа за собой, однако Андреас Росен не привык поворачиваться спиной к проблемам. Тем более в таком случае.

– Вы не могли бы оставить мою жену в покое? – негромко произнес он, сопроводив свою реплику гневным взглядом.

– Так-так. – Нежеланный гость отступил на шаг. – Значит, ты завлекла Андреаса Росена в свою сеть, Нэте. Отличная работа. – Затем последовало дополнение, незначительное для стороннего человека, но значимое для нее. – Данный факт каким-то образом полностью ускользнул от моего внимания. Я не так часто появляюсь в высоких кругах, знаешь ли. И желтых газетенок не читаю.

Словно в замедленной съемке, она увидела, как ее муж презрительно качает головой, и почувствовала, как он хватается за руку и тянет за собой. На мгновение к ней вернулась способность дышать. Звуки их шагов отзывались эхом, будто призывая: «Давай уйдем поскорее». Они уже добрались до гардероба, но навязчивый голос вновь прогремел за спиной:

– Господин Росен! Вероятно, вам неизвестно, что ваша жена потаскуха. Просто-напросто девка со Спрогё¹, которая не особо разбирается, перед кем раздвигать ноги. Как неизвестно вам и то, что ее недоразвитому мозгу недоступна разница между правдой и ложью, и...

Ее запястье дернулось, когда муж неожиданно обернулся в ту сторону, где несколько гостей уже пытались утихомирить человека, нарушившего ход торжества. Двое подоспевших молодых врачей явно намеревались выставить высокого мужчину, чье присутствие здесь со всей очевидностью оказалось нежелательным.

– Андреас, не надо! – закричала Нэте, когда муж направился прямо к ее преследователю, но Андреас не слушал.

Альфа-самец уже приступил к определению своей территории.

– Я не знаю, кто вы такой, – сказал он. – Но советую вам впредь не показываться в обществе, пока вы не научитесь вести себя прилично.

Худощавый тип вытянул голову над крепко схватившими его мужчинами, и внимание всех присутствующих у гардероба сосредоточилось на его пересохших губах. Там были дамы, державшие в руках меховые воротники пальто, личные водители, ожидавшие перед дверями-вертушками...

И вот наконец была произнесена фраза, которая ни в коем случае не должна была прозвучать:

– Господин Росен, а вы спросите у Нэте, где ее стерилизовали. Спросите, сколько аборт за свою жизнь она успела сделать. Спросите, каково ощущать себя на пятый день в одиночной камере. Выслушайте ее ответы, а потом уже говорите о моем поведении. На это есть более компетентные люди, Андреас Росен.

Курт Вад высвободился из толпы и развернулся, негодуя.

– Я ухожу! – прокричал он. – А ты, Нэте, – он протянул в ее сторону трясущиеся пальцы, – поскорее отправляйся в ад, где тебе самое место!

По помещению разнесся гул, после чего раздвижные двери за мужчиной сомкнулись.

– Это был Курт Вад, – прошептал кто-то. – Однокашник сегодняшнего лауреата, и больше ничего о нем сказать нельзя.

¹ Спрогё – остров в Дании, куда с начала XX в. власти отсылали на поселение женщин, отличавшихся в датском обществе свободными нравами. – Здесь и далее примеч. переводчика.

Вот она и оказалась в ловушке. Вот и настало разоблачение.

Взгляды собравшихся изучали ее, пытаясь сосредоточиться на деталях, способных выявить ее истинную сущность. Слишком глубокое декольте? Вульгарные движения бедер? Может, что-то не так с губами?

Подавая пальто, гардеробщица обдала ее почти ядовитым теплым дыханием, словно говоря: «Ты несколько не лучше меня».

Но это длилось недолго.

Нэте отвела глаза и взяла под руку мужа – своего любимого мужчину.

Теперь она не смела поднять на него взгляд.

Нэте слушала мягкий ровный шум двигателя.

Они не сказали друг другу ни слова; каждый сидел уставившись в прорезаемую автомобилем осеннюю темень. Туда-сюда мелькали стеклоочистители.

Возможно, он ждал опровержений, но она не могла их предоставить.

Возможно, Нэте ждала, что муж поможет ей преодолеть неловкость. Просто взглянет на нее и скажет, что все это не имеет значения. Что намного важнее те одиннадцать лет, проведенные вместе. Важнее, чем тридцать семь, прожитых ею раньше.

Но он включил радио, и музыка создала ощущение отстраненности. Стинг сопровождал их продвижение на юг Зеландии, а Шаде и Мадонна стали спутниками маршрута по Фальстеру и Гульдборгсунду. Ночь проходила под нежные звуки голосов молодых исполнителей. Такова оказалась единственная связь между супругами.

Все остальное исчезло.

За несколько сотен метров до деревушки Бланс и в паре километров от центра муж свернул и остановил машину в поле.

– Ну, так расскажи мне обо всем, – произнес он, вперившись в окружающую тьму.

Отнюдь не теплая фраза. Он даже не смягчил свои слова ее именем. Просто – «ну, так расскажи мне обо всем».

Нэте прикрыла глаза, умоляя его понять, что тут замешаны более глубокие обстоятельства, все объясняющие, что человек, который обвинял ее, также виновен в ее несчастьях. Но как бы то ни было, сказанное верно, полушепотом призналась она.

Все так и есть.

В этот всепоглощающий болезненный момент она слышала лишь его дыхание. Затем муж повернулся к ней с мрачным взглядом.

– Так, значит, вот почему у нас с тобой нет детей, – сказал он.

Она кивнула. Сжала губы и призналась: да, так и было. Да, она виновна во лжи и умалчивании. Увы, юной девушкой Нэте была отправлена на Спрогё, но совершенно незаслуженно. Все случилось в результате цепочки недоразумений, злоупотреблений и подлогов. Исключительно поэтому. Да, она делала аборт и была стерилизована, однако тот жуткий человек, которого они только что встретили...

Андреас положил ладонь ей на плечо, и от этого жеста повеяло таким холодом, что Нэте вмиг умолкла. Затем он включил скорость, ослабил педаль сцепления, проскользнул через городок и помчался вдоль лугов и темных вод.

– Мне очень жаль, Нэте. Но я не могу простить. На протяжении долгих лет ты заставляла меня жить в слепой надежде на то, что мы можем стать родителями. Просто не могу, и все. И что касается остального, я испытываю отвращение к тому, что услышал.

Потом он на мгновение прервался, и она ощутила покалывание в висках и в шее.

Муж качнул головой. Столь же надменно, как при общении с людьми, по его мнению, недостойными уважения. Столь же заносчиво, как в моменты пренебрежения какими-нибудь идиотскими рекомендациями.

– Я соберу вещи, – отчетливо произнес он. – У тебя будет неделя, чтобы подыскать себе другое жилье. Из Хавнгорда можешь взять все, что захочешь. Ты не должна испытывать нужду.

Нэте медленно отвернулась, уставившись на воду. Затем чуть опустила стекло и почувствовала запах водорослей, носимых иссиня-черными волнами. Они словно стремились поглотить ее целиком. И чувство одиночества и отчаяния, знакомое ей по дням, проведенным на Спрогё, где такое же укачивающее море соблазняло положить конец безрадостной жизни, вновь вернулось.

«Ты не должна испытывать нужду», – сказал он, словно это имело какое-то значение.

Значит, он действительно ничего не знал о ней.

На мгновение Нэте увидела дату на часах: 14 ноября 1985 года. Повернувшись к мужу, женщина почувствовала, как дрожат ее губы.

Его темные глаза в полутьме зияли дырами. Андреаса Росена интересовал лишь очередной поворот да лежащая впереди дорога.

Тогда она медленно потянулась рукой к рулю. Схватила за него ровно в тот момент, когда муж собрался оказать сопротивление, и дернула как можно резче...

Огромная мощь двигателя растрачивалась вхолостую, когда дорога под ними исчезла. Металлический скрежет летящего через бурелом механизма заглушил последние вопли протеста, исходившие от мужа.

Соприкосновение с морем было сравнимо с чувством возвращения в родной дом.

1

Ноябрь 2010 года

Карл Мёрк услышал о ночных событиях из новостей полицейской радиостанции по дороге из таунхауса в Аллерёд. Обычно работа коллег из отдела по борьбе с преступлениями сексуального характера не вызывала у него интереса, но этот случай он воспринял как нечто особенное.

Хозяйка эскорт-агентства подверглась нападению и была облита серной кислотой в собственной квартире на Энгхэвевай, персоналу ожогового отделения Королевской больницы пришлось нелегко. Теперь разыскивались свидетели, но пока безрезультатно.

К допросу уже привлекли несколько подозрительных литовцев, однако к утру стало ясно, что лишь один из подозреваемых может стать обвиняемым, но и к нему не смогли подкопаться – не хватало доказательств. При госпитализации пострадавшая заявила, что не может определить виновного, и в итоге пришлось освободить всю шайку.

Неужели ранее не было слышно ни о чем подобном?

На площади Полиции по дороге на парковку Карл встретился с Соломенной Сосулькой – Брандуром Исаксеном из «Стейшн-Сити».

– Ну что, выбрался пораздражать окружающих? – проворчал Карл мимоходом, как вдруг придурок остановился, словно слова полицейского прозвучали для него приветствием.

– На этот раз они добрались до сестрицы Бака, – холодно сказал Исаксен.

Карл взглянул на него затуманенными глазами. О чем, черт возьми, он толкует?

– Жаль, – промычал он, – от этого-то не убудет.

– Так ты слышал о нападении на Энгхэвевай? Она выглядит совсем неважно, – продолжил Исаксен. – Врачи Королевской больницы всю ночь трудились. Так, значит, ты знаком с Берге Баком?

Карл задумался. Берге Бак?.. Знакомы ли они? Вице-комиссар полиции из отдела А, выпросивший увольнение и несвоевременно отправившийся на пенсию? Этот лицемерный ублюдок?

– Мы с ним были примерно такими же близкими друзьями, как я с тобой, – произнес Карл.

Исаксен мрачно кивнул. Да уж, в симпатии друг к другу их нельзя было заподозрить.

– А сестру Берге, Эстер Бак, ты тоже знаешь? – поинтересовался Исаксен.

Карл взглянул на колоннаду, где семенила Роза с огромной, как чемодан, сумкой, болтающейся на плече. О чем эта дама думает, будь она неладна? Хочет провести отпуск в офисе?

Карл заметил, что Исаксен следит за его взглядом, и отвел глаза.

– Никогда не встречался с Эстер. Но она содержит бордель, верно? – ответил Карл. – Проститутки – сфера скорее твоей компетенции, нежели моей, так что оставь меня наконец в покое.

Исаксен выдавил:

– Тебе придется смириться с тем, что Бак неожиданно объявится в отделении и вмешается в дело.

Карл сомневался. Разве Бак ушел из полиции не из-за того, что ненавидел приходить на работу в участок?

– Ему будет оказан радушный прием, – ответил Мёрк. – Но только не у меня в подвале.

Исаксен провел пальцами по своим черным как смоль, слежавшимся после сна волосам.

– Ну нет, конечно. Ты там, у себя внизу, наверняка по горло занят шашнями с этой, верно?

Он мотнул головой в сторону Розы, уже скрывшейся на лестнице.

Карл затряс головой. Пускай Исаксен отправляется ко всем чертям: что за вздор? Шашни с Розой! Уж лучше уйти в монастырь в Братиславе.

– Карл, – обратился к нему охранник спустя полминуты. – Психолог Мона Ибсен оставила для вас кое-что.

Он с ликующим видом протянул Карлу в дверь серый конверт.

Мёрк с удивлением взглянул на него. Может, в конверте и вправду важные новости?

Охранник сел на место.

– Я слышал, что Асад пришел уже к четырем утра. Готов поспорить, это прекрасное время для обдѣлывания своих делишек. Он что, готовит план террористического захвата полицейского управления, или как? – Парень рассмеялся на мгновение, но замолк, заметив свинцовый взгляд Карла.

– Спроси у него сам, – отчеканил тот, подумав о женщине, задержанной в аэропорту лишь за то, что та произнесла слово «бомба».

Вот уж поистине оговорка, достойная занять место на первых полосах.

Впрочем, тут дело могло обстоять намного хуже.

Уже на последних ступенях винтовой лестницы Мёрк понял, что у Розы день удался. Тяжелый запах гвоздики и жасмина пахнул ему в лицо и заставил вспомнить старушку из Восточного Брендерслева, щипавшую за задницу каждого мужчину, не обращавшего на нее внимания. Когда Роза источала подобные ароматы, у него начиналась головная боль.

Асад выдвинул версию, что она получила эти духи в наследство, однако кто-то из сослуживцев сказал, что подобные тошнотворные смеси по-прежнему доступны в индийских магазинчиках, хозяевам которых безразлично, придет ли этот покупатель еще хотя бы раз.

– Эй, Карл, иди-ка сюда! – прокричала Роза из своего кабинета.

Мёрк вздохнул. Что теперь будет?

Он проковылял мимо бедлама Асада, засунул нос в клинически стерильную комнату Розы и сразу заметил гигантскую сумку. Прежде она висела у девушки на плече. Насколько Карл понял, не только Розины духи сулили беспокойный день. В пользу этого говорила еще и огромная кипа бумаг, торчащих из сумки.

– Гм, – осторожно хмыкнул он, указывая на бумаги. – Это что такое?

Роза уставилась на него обведенными черным глазами, взгляд которых предвещал большие проблемы.

– Кое-какие старые дела. Они лежали на полицейских столах весь прошлый год, хотя должны были попасть к нам в первую очередь. Тебе наверняка знакомо такое разгильдяйство.

Последнюю фразу Роза сопровождала невнятным звуком, который мог быть интерпретирован как смех.

– Эти папки были по ошибке переданы в Национальный центр расследований. А я просто их оттуда забрала.

Карл поднял брови. Навалилась куча дел – так с какой стати она улыбается?

– Да-да, знаю, что ты сейчас думаешь. Плохие новости, правда, – опередила она его. – Но ты еще не видел вот эту папку. Она не из НЦР, а уже лежала на моем кресле, когда я пришла.

Роза протянула потрепанную картонную папку. Очевидно, девушка рассчитывала, что Карл тут же примется листать ее, но ошиблась. Дурные новости как-то не принято узнавать до утренней затяжки, к тому же всему свое время. Он, черт возьми, только что вошел.

Мёрк покачал головой, направился к себе в кабинет, бросил папку с делом на стол, а пальто повесил на стул в углу.

В офисе стояла духота, лампа мерцала чересчур интенсивно. Среду всегда сложнее всего было пережить.

Прикурив сигарету, Мёрк поплелся к каморке Асада, где все вроде бы выглядело как раньше. Молитвенный коврик разложен на полу, воздух пропитан миртом. Транзистор

настроен на нечто напоминающее брачные крики дельфинов вкупе с церковными песнопениями, записанными на катушечный магнитофон с ослабленным приводным ремнем.

Стамбул к вашим услугам.

– Доброе утро, – поздоровался Карл.

Асад медленно повернул голову. Рассвет над Кувейтом, должно быть, менее ярок, нежели покрасневший нос бедняги.

– Боже всемогущий, Асад, что с тобой?! – выпалил Карл, отступая на шаг, обескураженный представшей его глазам картиной. Вероятно, грипп прочно овладел этим телом, все симптомы налицо.

– Началось вчера, – прохрипел тот.

Глаза у парня слезились как у собаки.

– Сейчас же отправляйся домой, немедленно, – отодвигаясь, приказал Карл.

Дальнейшее обсуждение не предполагалось. И все-таки Асад не послушался.

Мёрк вернулся в безопасную зону и задрал ноги на рабочий стол, впервые в жизни мечтая о том, чтобы совершить чартерный тур на Канары. Четырнадцать дней под зонтиком, а рядом полуодетая Мона – просто великолепно! И пусть грипп бушует на улицах Копенгагена, сколько ему вздумается.

Он улыбнулся своим мыслям, достал маленький конвертик от Моны и вскрыл его. Одного аромата было достаточно. Нежный и чувственный, сама суть Моны Ибсен. Густой и едкий запах парфюма Розы с ним не сравнится.

«Мой милый» – так начиналось письмо.

Карл улыбнулся. С тех пор как он лежал в больнице Брендерслева с шестью швами на боку после удаления слепой кишки, никто не обращался к нему так сладко.

*Мой милый,
сегодня в 19:30 приглашаю на жареного гуся, согласен?
Не забудь про костюм и захвати бутылочку красного вина. А я
позабочусь о сюрпризах.
Целую, Мона*

Карл ощутил, как тепло разливается по его щекам. Какая женщина!

Прикрыв глаза, он сделал глубокую затяжку и попытался представить себе, что стоит за словом «сюрпризы». И улыбнулся в предвкушении чего-то волнующего.

– Чему ты тут улыбишься с закрытыми глазами? – прогремело позади него. – Ты не собираешься заглянуть в папку, которую я тебе дала?

Роза стояла в дверях, сложив руки и склонив голову набок. И она не собиралась уходить, не дождавшись ответа.

Карл разогнал рукой дым и потянулся за папкой. Уж лучше сделать, как она хочет, иначе эта женщина будет торчать тут, пока не обратится в камень.

Внутри оказалось десять выцветших листов из суда Йорринга. Уже по первой странице Карл понял, что это такое.

Каким образом, будь оно неладно, это дело очутилось у Розы?

Мёрк быстро пробежал первую страницу, уже предвидя, в каком именно порядке последует изложение материала. Лето 1978 года. Мужчина утонул в реке Неррео. Владелец большого машиностроительного завода, страстный рыболов, VIP-клиент всевозможных клубов и т. д. и т. п. Четыре пары свежих следов у складного стула для рыбалки. Поношенная сумка. Из снастей ничего не пропало. Катушек и удочек при нем обнаружено более чем на пятьсот крон. Прекрасная погода, ничего особенного при вскрытии. Ни сердечной недостаточности, ни тромба. Обычное утопление.

Не будь глубина реки в этом месте около трех четвертей метра, с самого начала констатировали бы несчастный случай.

Однако отнюдь не смерть вызвала интерес Розы, как понял Карл. И не то, что дело так и не было раскрыто и потому, естественно, лежало теперь у них в подвале. А тот факт, что к делу прилагался целый ряд фотографий, причем на двух из них была запечатлена почти полная копия Карла.

Карл вздохнул. Утопленника звали Биргер Мёрк, и это был его собственный дядя по линии отца. Веселый и щедрый человек, которым восхищались и его сын Ронни, и сам Карл. Все вместе они частенько куда-нибудь выбирались. Так случилось и в тот день: Ронни и Карл намеревались познакомиться с секретами и хитростями рыболовного дела.

Однако две копенгагенские девицы совершали велотур по Дании и в этот момент приближались к своей цели – Скагену. На них были тонкие майки, непристойно прилипшие к телу от пота.

Вид белокурых вертихвосток, мучительно преодолевающих очередной холм, так сильно поразил Карла и его кузена Ронни, что они побросали удочки и пустились со всех ног вслед за нимфами, подобно телятам, впервые в жизни очутившимся на лугу.

Когда спустя два часа они вернулись к реке, надолго запомнив девчонок в плотно прилипших к телу майках, Биргер Мёрк уже был мертв.

Полиция Йорринга проводила множество допросов и выдвигала одну криминальную гипотезу за другой, чтобы продвинуться в расследовании дела. И, несмотря на то что те две велосипедистки, являвшиеся единственным алиби для молодых людей, никогда так и не были обнаружены, Ронни и Карла освободили от дальнейшего судебного преследования. Отец Карла на протяжении нескольких месяцев пребывал в злости и отчаянии, однако иных последствий дело не имело.

– Карл, а ты тогда был весьма недурен... Сколько тебе было? – донесся от дверей голос Розы.

Карл уронил папку на стол. Это не тот момент жизни, о котором ему хотелось бы вспоминать.

– Сколько? Мне семнадцать, Ронни – двадцать семь. – Он вздохнул. – У тебя есть какие-то идеи насчет того, почему это дело сейчас всплыло?

– Почему?! – Она стукнула себя по лбу костяшками пальцев. – Эй, принц-очаровашка, проснись! Это ведь как раз то, чем мы занимаемся, правда? Роемся в старых нераскрытых делах об убийствах!

– Ну да. Но, во-первых, дело дяди было квалифицировано как несчастный случай, а во-вторых, оно ведь не само по себе выросло у тебя на столе, верно?

– Может, мне стоит поинтересоваться в полиции Йорринга, почему оно очутилось у нас именно теперь?

Карл поднял брови. А почему бы и нет?

Она развернулась на каблуках и зацокала по направлению к своим владениям. Сигнал был принят к сведению.

Карл уставился в пространство. Почему дело вдруг вернулось, будь оно проклято? Как будто и так из-за него уже не возникло массы проблем.

Мёрк в очередной раз взглянул на снимок, где он был запечатлен с Ронни, и кинул папку на стопку с прочими делами. Прошрое осталось в прошлом, надо жить настоящим, тут уж ничего не поделаешь. Тем более что четыре минуты назад он прочитал записку Моны, где она назвала его «мой милый». Надо все-таки правильно расставлять приоритеты.

Улыбнувшись, Карл выудил из кармана мобильник и с досадой уставился на крошечные кнопки. Если он решит послать Моне сообщение, ему потребуется десять минут на набор текста, а решит позвонить – придется примерно столько же прождать, пока она возьмет трубку.

Вздохнув, он приступил к написанию эсэмэски. Несомненно, технология изготовления мобильных клавиатур была изобретена пигмеем с пальцами не толще спагетти, а потому нормальный среднестатистический скандинав, набирая сообщение, ощущает себя бегемотом, играющим на флейте.

Проверив результат своих усилий, Карл со вздохом обнаружил целую череду опечаток. Мона ведь поймет смысл: жареный гусь нашел отклик в его сердце.

Не успел Карл отложить мобильник, в дверь просунулась голова.

На этот раз космы подстрижены, а вот кожаная куртка поистрепалась, но в остальном ее обладатель не изменился.

– Бак?! Какого лешего ты тут делаешь? – машинально воскликнул Карл.

– А ты как будто не в курсе, – ответил мужчина. – Я просто-напросто вне себя. Вот какого!

Он тяжело опустился на стул напротив, несмотря на протестующие жесты Карла. По глазам Бака было видно, что он явно не выспался.

– Моя сестра Эстер уже никогда не будет такой, как прежде. А подонок, плеснувший кислоту ей в лицо, отсиживается где-то в подвальном магазинчике на Эскильдсгэде и ухахатывается до колик. Вероятно, ты понимаешь, что бывшему сотруднику полиции отнюдь не льстит то, что его сестра содержит бордель, но неужели ты считаешь, что ублюдку так просто сойдет с рук то, что он натворил?

– Понятия не имею, зачем ты пришел, Бак. Поговори с людьми в «Сити», или с Маркусом Якобсеном, или с кем-то еще из начальников, если ты недоволен ходом дела. Я не занимаюсь делами, связанными с применением насилия или с вопросами нравственности, ты прекрасно знаешь.

– Я пришел, чтобы попросить вас с Асадом отправиться туда и выбить признание из недоумка.

Карл был поражен. Бак совсем спятил?

– У тебя появилось новое дело, наверняка ты уже успел его прочесть, – продолжал Бак. – И оно пришло к тебе от меня. Несколько месяцев назад я получил это дело от одного старого коллеги из Йорринга и сегодня ночью подложил Розе.

Карл разглядывал парня, не зная, как отреагировать. Насколько он мог судить, варианта было всего три.

Подняться со своего места и засветить бедняге в глаз – первый вариант.

Дать пинка под зад – второй.

Но Карл предпочел выбрать третий.

– Да, папка лежит тут, – подтвердил он, указав в направлении бумажного ада в углу письменного стола. – А почему ты не отдал ее непосредственно мне в руки? Наверное, так было бы приличнее.

Бак слегка улыбнулся:

– Когда правила приличия в отношении друг друга приводили к какому-то результату?.. Ну уж нет. Я просто хотел удостовериться, что еще кто-то увидит это дело, чтобы оно вдруг «случайно» не затерялось, улавливаешь?

Тут два первых варианта вновь замаячили перед Карлом. Хорошо, что этот идиот больше не имеет права заходить сюда когда вздумается.

– Я придержал папочку до подходящего момента. Понимаешь?

– Конечно. И до какого момента?

– Мне нужна твоя помощь!

– Только не думай, что я прошибу череп предполагаемому преступнику по той причине, что ты помашешь у меня перед носом делом тридцатилетней давности. И знаешь почему? – Для наглядности Карл принялся считать по пальцам. – Во-первых, дело устарело. Во-вторых, это был несчастный случай. Мой дядя утонул. По-видимому, ему стало плохо и он упал в воду, –

таково заключение следователя по данному вопросу. В-третьих, когда это произошло, ни меня, ни моего брата там не было. В-четвертых, в отличие от тебя, я порядочный полицейский и не стану колошматить подозреваемых направо и налево.

Карл на мгновение замер, почувствовав неловкость от сказанных слов. Насколько ему было известно, за Баком ничего подобного не числилось. По крайней мере, у Бака от изумления вытянулось лицо.

– И в-пятых! – Карл выставил вперед всю пятерню и сжал пальцы в кулак. – Если я и стану размахивать молотком, то разве что перед физиономией некоего гражданина, который строит из себя полицейского, хотя больше им не является.

Бак был серьезен.

– Ладно. Тогда скажу тебе, что один из моих бывших коллег из Йорринга пристрастился ездить в Таиланд. Четырнадцать дней в Бангкоке – сплошные удовольствия.

«И каким боком это меня касается?» – подумал Карл.

– Мой коллега узнал любопытные сведения от твоего кузена Ронни, любителя напиваться до беспамятства. – Бак и не думал останавливаться. – И знаешь что, Карл? Когда он набирается по полной, то начинает много болтать.

Карл подавил глубокий вздох. Ронни – известный недотепа. Неужели у него снова проблемы? Они виделись последний раз не менее десяти лет назад на дурацкой конфирмации в Оддере. Ронни тогда надрался в баре и принялся приставать к официанткам. Не очень удачно, конечно. Впрочем, стоит заметить, что одна из официанток оказалась довольно стоворчивой, да к тому же еще и младшей сестрой конфирманта. Скандал был вполне банальный, но тем не менее его надолго запомнили в оддерской части семейства. Да уж, Ронни никак не назовешь маменькиным сыночком...

Карл в знак протеста замахал рукой. Какого черта ему до выходок Ронни?

– Отправляйся к Маркусу и вешай ему лапшу на уши, если хочешь. Но ты его знаешь. Он скажет тебе то же самое, что и я. Нельзя нападать на подозреваемых и шантажировать бывших коллег столь старыми историями.

Бак откинулся на спинку стула:

– В том самом баре в Таиланде твой братец при свидетелях похвалялся тем, что уколошил своего отца.

Карл прищурился. Звучало не слишком правдоподобно.

– Да-да, пускай так. Значит, видимо, он пропил все мозги... Ну и доноси на него, если хочешь. Я точно знаю, что он не мог утопить отца. Потому что он был вместе со мной.

– Вот он и утверждает, что ты тоже принимал участие. Симпатия у тебя кузен.

Карл поднялся с кресла.

– Иди-ка сюда, Асад, – басом заорал он прямо в лицо Баку.

Не прошло и десяти секунд, а парень уже стоял в дверях, шмыгая носом.

– Асад, мой дорогой гриппозный друг, будь добр, покашлий на этого идиота. Просто сделай глубокий выдох.

* * *

– Роза, что у нас там еще интересенького в стопке с новыми делами? – спросил Карл, входя в кабинет Розы.

Она выглядела так, словно собиралась схватить всю грудку бумаг и сунуть ему в руки, однако Карл хорошо ее знал. Что-то уже привлекло внимание Розы.

– Дело о хозяйке девушек по вызову, которая подверглась нападению минувшей ночью, ассоциируется у меня с делом, только что пришедшим из Кольдинга. Оно лежало в той стопке, что я принесла из НЦР.

– Ты знаешь, что эта «хозяйка девушек по вызову» – сестра Бака?

Роза кивнула:

– Лично с ним не знакома, но слухи тут расползаются быстро. Не он ли только что заходил? – Она схватила верхнюю папку своими пальцами с выкрашенными черным лаком ногтями. – Слушай внимательно, Карл, иначе тебе самому придется штудировать это дерьмо.

– Да-да, – отозвался Карл, скользя взглядом по ее кабинету в серо-белых тонах.

Он уже начал скучать по розовому аду, царившему тут при Ирсе, фиктивной сестре-близняшке Розы.

– Дело о женщине по имени Рита Нильсен с «творческим псевдонимом», – Роза жестом нарисовала в воздухе кавычки, – Луиза Чикконе². Под ним она действовала в восьмидесятые, когда устраивала так называемые, – тут снова возникли воздушные кавычки, – «эротические танцы» в ночных клубах в районе Треканта³. Несколько раз осуждалась за мошенничество, затем – за содержание публичных домов и сутенерство. Владела эскорт-агентством в Кольдинге в семидесятые-восьмидесятые, после чего словно сквозь землю провалилась в Копенгагене где-то в восемьдесят седьмом году. В ходе расследования летучий отряд первым делом отправился к воротилам секс-бизнеса Центральной Ютландии и Копенгагена – разбираться в ее исчезновении, – однако спустя три месяца дело было закрыто с пометкой о том, что, вероятнее всего, имело место самоубийство. Тогда появилось множество новых важных задач, так что тратить усилия на данное дело представилось нецелесообразным, – гласил отчет.

Роза положила папку на стол и состроила кислое выражение лица.

– Закрыто, как явно будет закрыто и сегодняшнее дело Эстер Бак. Может, ты знаешь людей, пребывающих в ярости от желания прищучить негодяя, сотворившего такой кошмар с бедной женщиной?

Карл пожал плечами. Ярость он наблюдал сегодня утром на физиономии своего пасынка Йеспера, когда разбудил его в семь часов и заставил своим ходом добираться в Гентофт на курсы по подготовке к экзаменам.

– Как мне кажется, в деле не было ни единого намека на суицидальный исход, – продолжала она. – Рита Нильсен села в свой шикарный белый «Мерседес 500 SEC» и покинула дом в прекрасном настроении! А спустя два часа словно провалилась сквозь землю, и все.

Роза вытащила фотографию и бросила перед ним. На снимке была машина, наехавшая на бордюр, салон был совершенно опустошен.

Ну и тачка... По меньшей мере половине дрянных девчонок с Вестебро в убогих искусственных мехах пришлось изрядно поизвиваться. Не то что его подержанный служебный автомобиль.

– Последний раз ее видели четвертого сентября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, а по кредитной карте можно проследить маршрут дамы от жилища в Кольдинге начиная с пяти утра: улица Фюна, где она заправила машину, далее паром через Большой Бельт и, наконец, Копенгаген: в киоске на Нёрреброгэде она купила сигареты в десять часов десять минут. После этого никто Риту не видел. Ее «мерседес» обнаружили по прошествии нескольких дней на Капельвай, большая часть автомобильного интерьера была обчищена. Кожаные сиденья, запасное колесо, автомагнитола, радио и так далее... Даже руль сняли. Осталось только несколько кассет и книг в бардачке.

Карл почесал подбородок:

– В то время не так много заведений принимали кредитные карты, и едва ли этим мог похвастаться киоск на Нёрребро. К чему весь этот геморрой с кредиткой? Ей явно пришлось

² Настоящее имя певицы Мадонны.

³ По-датски «район треугольника» – так называется восточное побережье Ютландии между фьордами Вайле и Кольдинг.

засовывать свою карту в автомат, а затем еще вводить код, и все только ради какой-то несчастной пачки сигарет... Это требует терпения.

Роза пожала плечами:

– Возможно, она не доверяла наличным. А может, не любила прикасаться к деньгам... Или ей нравилось держать деньги в банке и получать проценты... Или у нее была купюра в пятьсот крон, которую продавец не мог разменять, и...

– Хватит, хватит. Довольно. – Карл замахал руками. – Только скажи мне: на чем основывается версия о самоубийстве? Женщина была неизлечимо больна или бизнес плохо шел? Может, поэтому она покупала сигареты по кредитке?

Роза пожала плечами. На ней был серый и слишком грубый свитер; видимо, его связала Ирса.

– Хм, хороший вопрос. Действительно странновато. Рита Нильсен, она же Луиза Чиконе, была состоятельной дамой и, судя по ее выстраданному послужному списку, не относилась к разряду дамочек, каких пнешь, они и свалятся. Ее «девочки» из Кольдинга называли хозяйку железной леди и настоящим борцом. Она скорее уничтожила бы все население земного шара, чем саму себя, по словам одной из них.

– Хм! – У Карла появилось некое предчувствие, и, хотя это раздражало его, интерес все же был пробужден.

Вопросы возникали своим чередом. Например, сигареты. Неужели человек станет покупать курево непосредственно перед тем, как совершить самоубийство? Ну да, возможно, чтобы успокоить мысли и все системы организма...

Дьявол! Жернова уже пришли в движение в его голове, а кто просил об этом? Стоило ему только сделать первый шаг – и вот теперь придется смириться с чрезмерным количеством работы.

– В отличие от большинства наших коллег, ты считаешь, что мы имеем дело с преступлением? В таком случае есть ли хоть какое-то указание на умышленное или непредумышленное убийство? – Он позволил своим вопросам немного повисеть в воздухе. – Помимо того что дело не закрыто, а приостановлено, чем ты руководишься?

Роза пожала плечами. Значит, у нее не было никаких доводов.

Карл взглянул на папку. Фото Риты Нильсен на первом же листе под скрепкой выражало неиссякаемую энергию. Худощавая нижняя часть лица, слишком широкие скулы. Глаза, излучавшие протест и боевой дух. Она наверняка клась хотела на тюремную пластинку, прикрепленную к ее груди. Явно не впервые фотографируется для полицейского архива... Нет, такую женщину не испугаешь тюремным заключением. Она была ярко выраженным борцом, как сообщили потаскушки из ее стойла.

С какой стати ей кончать с собой?

Мёрк подвинул папку к себе и открыл, проигнорировав кривую усмешку Розы.

Ну вот, эта дылда дала-таки ход очередному делу.

2

Ноябрь 2010 года

Зеленый фургон прибыл ровно в 12:30, в точности как требовалось.

– Господин Вад, сегодня мне предстоит побывать еще в пяти точках Зеландии, – сказал водитель, – в связи с чем я надеюсь, что все готово.

Микаэль был прекрасным человеком. Десять лет службы, ни одного лишнего вопроса. Приятные манеры, ухоженный и вежливый. Лучшего представителя среди населения «Чистым линиям» не найти. Именно такой человек пробуждал у других желание вступить в ряды партии. Тихий, надежный, с искренним взглядом голубых глаз. Светлые выющиеся волосы всегда аккуратно уложены. Он оставался спокойным даже в самых критических ситуациях, как, например, месяц назад во время беспорядков в Хадерслеве на одном из собраний учредителей. Тогда девять демонстрантов подняли транспаранты, но быстро поняли, что людей, у которых сердце на правильном месте, не проведешь так просто.

Именно благодаря таким, как Микаэль, к появлению полиции все было кончено и улажено.

Нет, с этими протестантами они уж точно больше не встретятся на своем пути.

Курт Вад открыл дверь старого сарая, отодвинул кусок старой обшивки над небольшой морозильной камерой и набрал на появившемся перед ним дисплее девятизначный код, как проделывал до этого не раз. Затем немного подождал. Задняя стенка отозвалась знакомым щелчком, и центральная часть отодвинулась в сторону.

В недрах гигантского темного помещения хранилось то, о чем не догадывался никто, кроме единомышленников Вада. Морозильная камера с человеческими эмбрионами, полученными в результате незаконных аборт, архивные шкафы, членские списки, ноутбук, которым он пользовался на конференциях, и, кроме того, старые записи времен его отца – на них строилась вся деятельность «Чистых линий».

Курт открыл морозильник, вытащил ящик с пластиковыми пакетами и сразу же передал водителю:

– Тут эмбрионы. Нам самим придется их кремировать. Надеюсь, морозилка в машине еще не забита полностью.

Водитель улыбнулся:

– Да нет, как ни странно, там еще полно места.

– А вот курьерская почта для наших. Сам посмотришь, для кого именно.

– Ладно, – ответил водитель, внимательно изучая подписи на конвертах. – К сожалению, во Фреденсборг раньше следующей недели я не попаду. Буквально вчера я объехал всю северную часть Зеландии.

– Не важно. Лишь бы ты попал в Орхус. Ты ведь будешь там завтра?

Водитель кивнул и посмотрел в пластмассовый ящик:

– От них-то я избавлюсь... У нас есть еще эмбрионы, которые нужно доставить в крематорий Глоstrup?

Курт Вад прикрыл раздвижную дверь камеры и направился к морозилке, расположенной в предбаннике. Этот резервуар был открыт для обозрения.

– Да, вот тут, – ответил он, приподняв крышку морозилки и извлекая оттуда еще один ящик. – Документы на материал находятся здесь. – Он протянул водителю бумаги. – Есть все, что нужно.

Водитель снабдил каждый мешок соответствующим документом.

– Все в порядке, никто не скажет ни слова, – согласился он и понес все хозяйство к фургону.

Распределил содержимое каждого ящика по двум мини-холодильникам, разложил корреспонденцию по ячейкам соответствующих организаций, надел фуражку и попрощался.

Курт Вад поднял руку в прощальном жесте, когда фургон покатился вниз по Брендбю-эстервай.

«Как здорово, что даже в моем возрасте можно послужить важному делу», – подумал он с удовольствием.

«Ого, ни за что не поверишь, что тебе восемьдесят восемь», – повторяли люди снова и снова – и были правы. Глядя на свое отражение в зеркале, он и сам видел, что ему запросто можно было бы дать лет на пятнадцать меньше, и точно знал, как ему это удавалось.

«Секрет успешной жизни заключается в том, чтобы жить в гармонии со своими идеалами» – таков был девиз его отца. В мудрости этих слов Курт убедился на собственном опыте. Конечно, тут имелись свои сложности. Главное, чтобы голова была в порядке, тогда и телу тоже будет недурно.

Курт прогулялся по саду и вошел в дом с противоположной стороны, в период собственной врачебной практики он всегда так поступал. Когда в клинике начал работать его преемник, передняя часть дома перестала принадлежать Курту, так уж повелось. Он знатно потрудился для создания партии. Нет-нет, период, когда он отбирал людей и совершал убийства, давно прошел. Теперь преемник делал это столь же успешно и усердно.

Вад вытащил кофемашину и принялся стряхивать с мерной ложечки кофе, чтобы его оказалось ровно столько, сколько нужно, не больше и не меньше. В последнее время желудок у Беаты стал слишком чувствительным, так что подобная пунктуальность была принципиальной.

– А, Курт, ты на кухне?

В дверях появился его последователь, Карл Йохан Хенриксен. Как и Вад, он также любил носить свежевystиранный и накрахмаленный халат. Ибо не важно, насколько враждебен ты по отношению к своим пациентам, но свежевystиранный и накрахмаленный халат гарантирует, что они воспринимают тебя как авторитета, которому спокойно можно доверить свою жизнь. Наивные идиоты...

– Какое-то легкое беспокойство в желудке. – С этими словами Хенриксен достал из шкафа стакан. – Горячие каштаны с маслом под бокал вина бесподобны, пока ты их ешь, но не после.

Он улыбнулся, налил в стакан воды и высыпал пакетик с порошком «Самарин».

– Приезжал водитель, Карл Йохан, так что оба морозильника пусты. Можешь спокойно приступать к их наполнению.

Курт улыбнулся своему ученику, ибо его слова были излишни. Возможно, Хенриксен работал даже более эффективно, чем сам Вад.

– Да, я уже приступил. Сегодня еще три аборта. Два плановых и один другого характера, – улыбнулся Хенриксен в ответ, в то время как содержимое стакана весело зашипело.

– И кто же это?

– Сомалийка из Тострупгорда от Бента Лjungсё. Пришлось сказать, что близнецы, – заключил он, после чего сдвинул брови и отпил из стакана.

Да, Карл Йохан Хенриксен тоже был как нельзя более подходящим человеком. Как для партии, так и для «Секретной борьбы».

– Тебе сегодня нездоровится, моя милая Беата? – осторожно спросил он, входя в комнату с подносом.

Несмотря на то что она так сильно исхудала и свойственная ей в молодости красота и сильный дух давно покинули ее, Курт боялся даже подумать о том, что однажды, быть может весьма скоро, ему придется жить без Беаты.

«Только бы она дожила до того дня, когда мы произнесем ее имя с парламентского подиума и выразим нашу благодарность за вклад в общее дело», – подумал он и взял легкую как пушинка руку Беаты в свою.

Наклонившись, Курт осторожно поцеловал ее и заметил, как рука дрожит в его ладони. Большого ему и не требовалось.

– Вот, моя любимая, – сказал он и поднес чашку к ее губам, аккуратно подув на содержимое. – Не слишком горячий и не слишком холодный. В точности как ты любишь.

Она вытянула впавшие губы, которые так нежно целовали его и их двух сыновей в моменты, когда им это больше всего требовалось, и отпила медленно и беззвучно. По ее глазам было видно, что кофе пришелся по вкусу. В этих глазах, видевших так много, утопал его собственный взгляд в те редкие минуты, когда его одолевало сомнение.

– Беата, сегодня я буду выступать на телевидении. С Лёнбергом и Касперсеном. Нас бы с радостью пригвоздили к стенке, если бы могли, но они не смогут. И сегодня мы пожнем плоды многолетней работы и наберем голоса. Много-много голосов людей, думающих так же, как мы. Возможно, журналисты считают нас тремя старыми пердунами. – Он рассмеялся. – Ну да, мы и есть старые пердуны. Но они считают, что мы недостаточно ясно мыслим. Что мы можем попасться на какой-то чуши и нелогичности рассуждений. – Он погладил ее по волосам. – Я включу телевизор, чтобы ты тоже могла все видеть.

Якоб Рамбергер был опытным и прекрасно подкованным журналистом. Если знать, как сложно плести сеть намеков и двусмысленностей, которые содержатся даже в самых безобидных политических интервью последнего времени, становится понятным, что таким и должен быть хороший журналист. Умный репортер боится телезрителей больше, чем работодателей, а Рамбергер был умным и кое на что способным. Пронзал своим жалом политиков самого высокого уровня у всех на глазах и разделял под орех бюрократов, рокеров, бизнесменов, безответственно ведущих свое дело, и криминальных авторитетов.

Поэтому Курт предвидел, что именно Рамбергер будет проводить интервью, но на этот раз журналисту в кои-то веки не удастся никого отделать, что вызовет резонанс в маленькой Дании.

Рамбергер благовопитанно поздоровался с гостями студии за кулисами, где его коллеги готовили выпуск новостей, но, едва пожав друг другу руки, ведущий и гости оказались по разные стороны баррикады.

– Вы буквально недавно сообщили Министерству иностранных дел, что Рене Линьер набрал необходимое количество подписей для участия в грядущих выборах в фолькетинг⁴, – приступил журналист после краткого и не слишком лестного представления гостей. – Я хотел бы поздравить вас, но сразу же задам вопрос: может ли Рене Линьер, по вашему мнению, предложить датскому избирателю то, что еще не было предложено существующими партиями?

– Вы говорите о датском избирателе в мужском роде, хотя прекрасно знаете, что в электорате преобладают женщины, – улыбнулся Курт Вад и кивнул в направлении камеры. – Нет, если честно: есть ли у датских избирателей иной выбор, кроме старых партий?

Интервьюер выразительно посмотрел на него:

– Ну, не сказать, чтобы напротив меня сидели юнцы. Средний возраст – семьдесят один год, а вы, Курт Вад, лихо перешеголяли эту цифру: вам восемьдесят восемь. Итак, положи руку на сердце: не кажется ли вам, что вы лет этак на сорок-пятьдесят припозднились для того, чтобы попытаться влиять на датскую политику?

– Насколько я понимаю, самый влиятельный человек Дании на десять лет старше меня, – парировал Вад. – Все датчане закупаются в его магазинах, топят свои жилища его газом и приобретают товары, экспортируемые на его судах. Когда вы подрастете настолько, чтобы позвать

⁴ Фолькетинг – однопалатный парламент Дании.

этого замечательного человека к себе в студию, и будете иметь возможность поиздеваться над его возрастом, пригласите меня снова и задайте тот же вопрос.

Журналист кивнул:

– Я лишь имел в виду, что мне сложно себе представить, как среднестатистический датчанин может доверить право представлять свои интересы человеку на одно-два поколения старше себя. Вы ведь не покупаете молоко, если его срок годности на месяц просрочен, верно?

– Нет, как и явно недозревшие фрукты, подобные политикам, управляющим нами в данный момент. Думаю, стоит отвлечься от продовольственных метафор, господин Рамбергер. Мы втроем вовсе не претендуем на места в парламенте. В нашей программе четко прописано, что, как только собраны подписи, мы созываем учредительное собрание и на форуме избираем кандидатов для участия в выборах в фолькетинг.

– При ближайшем изучении вашей программы становится ясно, что она исходит в первую очередь из моральных норм, идей и идеологии, отсылающей к временам, возврат которых был бы нежелателен. К политическим режимам, сознательно притеснявшим всевозможные меньшинства и слабых граждан общества. Умственно отсталых, представителей нацменьшинств, социально незащищенных граждан...

– Ну, тут заключается серьезная ошибка, поскольку такое сравнение неправомерно, – вступил в беседу Лёнберг. – Напротив, наша программа говорит о том, что мы, основываясь на принципах ответственности и гуманности, собираемся рассматривать каждый случай индивидуально и остерегаться использовать по отношению к сложным вопросам привычные штампы, ведь после этого проблемы невозможно обсуждать серьезно и со всей глубиной. Поэтому мы выбрали такой простой слоган: «Изменение к лучшему». Отсюда следуют совсем не те выводы, на какие вы указали.

Журналист улыбнулся:

– Звучит замечательно, но все-таки вопрос заключается в том, сможете ли вы когда-либо продвинуться настолько далеко, чтобы получить влияние. Это отнюдь не мое личное утверждение, ибо газеты неоднократно писали о вашей программе, которую соблазнительнее всего сопоставить с нацистской идеологией в отношении учения о расах. Закоснелые догмы, описывающие мир как обиталище различных рас, пребывающих в постоянной вражде друг с другом. Существование высших и низших рас, причем высшая...

– Да-да, причем высшая раса будет уничтожена, если произойдет смешение с представителями низших, – перебил Касперсен. – Я смотрю, что и газетные корреспонденты, и вы, господин Рамбергер, прибегли к помощи «Гугла» и почитали кое-что о нацизме, – продолжал он. – Однако наша партия не проповедует дискриминацию, несправедливость и антигуманизм, что было свойственно и до сих пор свойственно нацистам и подобным им объединениям. Напротив, мы лишь утверждаем, что не нужно поощрять жизнь, если у нее нет шансов когда-либо стать более или менее достойной. Должны быть введены строгие правила для врачей и обычных граждан, регулирующие, в каких масштабах следует подвергать людей принудительной стерилизации. Необходимо причинять как можно меньше страданий семьям, а также точно определить величину государственных расходов. Ведь политики часто вмешиваются во все подряд, абсолютно не понимая, какими могут быть последствия вмешательства...

Это была длительная дискуссия, после чего последовали звонки от обычных граждан. Были затронуты всевозможные темы: принудительная стерилизация преступников и тех, кто по причинам психического или умственного недоразвития не в состоянии заботиться о своем потомстве; социальные инициативы, лишаящие многодетные семьи целого ряда пособий; введение уголовных наказаний для тех, кто пользуется услугами проституток; закрытие государственных границ; запрет на въезд эмигрантам без высшего образования и многое другое.

И дискуссия оказалась жаркой. Дослушав до конца, многие из зрителей пришли в необычайную ярость. Однако примерно такая же часть испытывала противоположные эмоции.

Сегодняшний эфир оказался для партии бесценным.

– Будущее именно за людьми с нашей волей и силой убеждения, – высказался Касперсен после передачи, по дороге домой.

– Так-то оно так, но ничто не стоит на месте, – отозвался Лёнберг. – Будем надеяться, что сегодня мы положили хорошее начало.

– Это точно, – рассмеялся Касперсен. – По крайней мере, ты, Курт, точно положил начало.

Курт понял, что тот имел в виду. Журналист спросил, верно ли, что на протяжении долгих лет работы неоднократно возникали скандалы в связи с различными обстоятельствами его деятельности. Вад разозлился, но не подал виду. Как ни в чем не бывало он ответил, что, если врач с умелыми руками и мудрой головой ни разу в своей жизни не нарушил этических норм, он недостоин называться продолжением руки Господа.

Лёнберг улыбнулся:

– Да уж, ты отлично парировал нападки Рамбергера.

Вад мрачно сказал:

– Я дал ему глупый ответ. Мне еще повезло, что он не стал расспрашивать про конкретные случаи. Нам постоянно следует быть начеку в отношении фактов, слышите? Если пресса получит малейший шанс, она сделает все, чтобы перекрыть наше продвижение вверх. Имейте в виду, что у нас нет друзей за пределами собственных рядов. Ситуация в данный момент ровно такая же, как у Партии прогресса или у Партии Дании: никто их ни во что не ставит. Будем надеяться, что пресса и политики предоставят нам такие же возможности для развития, как в свое время получили эти две партии.

Касперсен нахмурился:

– Я абсолютно уверен, что в следующий раз мы пройдем в фолькетинг, и ради этого все средства хороши. Вы понимаете, что я имею в виду. Даже если нам придется пожертвовать работой в «Секретной борьбе», оно того стоит.

Вад смерил его взглядом. В каждом социуме имеется свой Иуда. Касперсен прославился в качестве адвоката на судебных процессах и был известен как местный политик, так что его организационный опыт обеспечивал ему надежное место среди них. Однако с того самого дня, когда он принялся считать сребреники, с ним было покончено. Курт Вад должен был что-то предпринять, учитывая текущее положение дел.

Никто не должен прикасаться к функционированию «Секретной борьбы» до тех пор, пока он лично не даст добро.

* * *

Она сидела у экрана телевизора, где он оставил ее перед уходом; сиделка только переодевала Беату и давала питье, когда требовалось.

Курт немного постоял в стороне, наблюдая за ней. Свет от люстры с подвесками падал бриллиантовыми отблесками на ее волосы. У Беаты был мечтательный вид, это напомнило Курту о том дне, когда она танцевала для него в первый раз. Возможно, возлюбленная вспоминала те времена, когда вся жизнь еще ожидала ее впереди...

– Ну как, видела передачу, ангел мой? – спросил он очень тихо, чтобы не испугать ее.

Беата на мгновение улыбнулась, но взгляд ее по-прежнему был где-то далеко. Момент просветления в ее теперешней жизни было не так много. Мозговое кровоотечение сильно повлияло на восприятие этой женщиной окружающего мира, и все же Курт чувствовал, что, возможно, она что-то еще понимает.

– Сейчас я уложу тебя, Беата. Тебе уже давно пора спать.

Мужчина приподнял на руках хрупкое тело. Когда они были молоды, он подхватывал ее как пушинку. Затем настало время, когда его сил перестало хватать на то, чтобы носить на руках зрелую и довольно упитанную женщину, но теперь Курт снова поднимал ее как пушинку. Возможно, ему следовало радоваться, что он может это сделать, но он не радовался, и, положив Беату на кровать, мужчина вздрогнул. Как быстро она закрыла глаза... Не дожидаясь даже, пока голова окажется на подушке.

– Я вижу, любимая моя, жизнь угасает. Скоро настанет наш черед.

Вновь спустившись в гостиную, Вад выключил телевизор, подошел к гарнитуру времен графини Даннер⁵ и налил себе коньяку.

– Я проживу еще десяток лет, Беата, обещаю тебе, – сказал он самому себе. – К моменту нашей с тобой новой встречи все планы будут выполнены, а мечты воплощены.

Он кивнул и осушил бокал одним глотком.

– И никто, мой друг, никто нам не помешает.

⁵ Даннер Луиза Кристина (1815–1874) – графиня, морганатическая супруга датского короля Фредерика VII.

3

Ноябрь 1985 года

Первое, что она почувствовала, было какое-то инородное тело в носу. И еще голоса над ней. Приглушенные, но уверенные голоса. Гулкие и нежные.

Глаза ее закатились за веки, словно пытаясь обнаружить во тьме суть всего происходящего. Затем она будто провалилась куда-то, уйдя во мглу и мерно дыша. Мозг ухватился за картинки летних деньков и беззаботных игр.

И вдруг боль возникла в середине позвоночника и отдалась ниже.

Голова дернулась назад, всю нижнюю часть тела пронзила долгая болезненная судорога.

– Мы дали ей еще пять разрядов, – произнес голос, удаляясь в туман и оставляя ее в том же вакууме, где она была прежде.

Нэте была желанным ребенком. Поздний ребенок и единственная девочка в семье. Несмотря на скромный достаток родителей, она ни в чем не нуждалась.

У матери были прекрасные руки. Ласковые и трудолюбивые. И Нэте стала ее помощницей. Миловидная девочка в клетчатом платье принималась за все, что имелось в небольшом фермерском хозяйстве.

Когда ей было четыре года, отец привел во двор жеребца и улыбнулся, когда старший брат Нэте вывел их кобылу.

Парни-близнецы рассмеялись, когда у жеребца вытянулся пенис, а Нэте отскочила назад, едва огромное животное забралось на их прекрасную Молли и принялось совершать крупом толкательные движения.

Нэте хотела было закричать, чтобы они прекратили, но отец беззубо засмеялся и сказал, что скоро у них будет еще одна тягловая скотина.

Так Нэте поняла, что зачастую начало жизни столь же драматично, как и конец, и что надо учиться наслаждаться каждым мгновением между этими двумя крайностями.

– Он прожил замечательную жизнь, – всегда говорил ее отец, перерезая горло дергающемуся поросенку.

И то же самое сказал о матери Нэте, когда та лежала в гробу всего тридцати восьми лет от роду.

Именно эти слова звучали в голове Нэте, когда она наконец проснулась на больничной металлической койке и в замешательстве принялась озираться в темноте.

Вокруг нее мигали лампочки и работало какое-то оборудование. Она не узнавала ничего.

Затем женщина повернулась. Совсем немного, однако эффект оказался ошеломительным: голова дернулась, а легкие наполнились воздухом, отчего в голосовых связках возникла сильная боль.

Она не восприняла собственные крики, ибо боль в ногах заглушила все чувства. И тем не менее женщина закричала.

Тусклый свет со стороны неожиданно распахнувшейся двери скользнул по ее туловищу. Вспыхнули огни в люминесцентных лампах, ослепив Нэте. Чьи-то решительные руки принялись работать с ее телом.

– Успокойтесь, Нэте Росен, – произнес голос, затем последовала инъекция и очередные успокаивающие слова, однако на сей раз Нэте никуда не провалилась.

– Где я? – спросила женщина, когда нижняя часть туловища растворилась в мягкой теплоте.

– Вы в больнице Нюкёбинг Фальстера. И находитесь в надежных руках.

На мгновение Нэте увидела, как медсестра поворачивает голову к своему коллеге и собирается что-то сказать.

Именно в эту секунду Нэте вспомнила, что произошло.

Кислородный шланг из ее носа вытащили, волосы зачесали назад. Словно ей надлежало привести себя в порядок перед тем, как выслушать окончательный приговор. О том, что жизнь закончилась.

Трое докторов стояли у изножья кровати, когда главный врач с серыми глазами под подстриженными бровями сообщил ей новость.

– Ваш муж погиб на месте, фру Росен. – Таковы были первые слова, сошедшие с его уст.

– Мы сожалеем, но это факт, – добавил он после большой паузы. – Вероятно, Андреас Росен был убит двигателем блоком, наполовину сместившимся на водительское сиденье. Ему уже нельзя было помочь, и спасатели сосредоточились на том, чтобы вытащить вас, – и спасательная бригада выполнила свою работу великолепно.

Он произносил эти слова так, словно они должны были вызвать у нее радость.

– Мы сохранили вам ногу. Возможно, вы будете слегка прихрамывать, но все-таки это лучше, чем ампутация.

Она перестала слушать.

Андреас погиб.

Он мертв, а она не умерла вместе с ним, и теперь она должна продолжать жить без него. Его одного Нэте любила искренне и с полной отдачей. Он один помог ей почувствовать себя полноценной личностью.

И этого человека она убила собственными руками...

– Пациентка сейчас задремала, – сказал один из докторов.

Однако он ошибался. Нэте лишь ушла в себя. Туда, где смешались чувства отчаяния и поражения, перепутались все причинно-следственные связи и лицо Курта Вада пылало так ясно, словно подсвеченное огнем преисподней.

Если бы не он, все в ее жизни сложилось бы иначе.

Если бы не он и кое-кто еще...

Нэте подавила в себе желание закричать и разразиться рыданиями. Она пообещала себе, что так просто не умрет, что все эти люди должны осознать, чего они ее лишили.

Она слышала, как врачи покидают комнату. Они уже забыли о ней. Теперь все их внимание сосредоточилось на следующей палате.

* * *

После похорон матери обстановка в доме стала более холодной, Нэте была тогда очень восприимчивой пятилетней девочкой. К божьему слову и молитвам надлежит обращаться лишь по воскресеньям, говорил отец. И Нэте выучилась словам, с которыми другие девочки знакомятся много позже. Коллаборационистов, сотрудничавших с немцами и ремонтировавших для них оборудование в Оденсе, называли в той среде «гнусным сучьим отродьем», а тех, кто выполнял их поручения, – «вонючими задницами».

В их доме лопату называли лопатой, а мошонку – мошонкой.

А хочешь разговаривать культурно – поищи другое место.

Так что в первый же свой день в школе Нэте узнала, что такое пощечина.

Шесть десятков учеников выстроились перед школьным зданием, Нэте была в первом ряду.

– Твою мать, сколько тут детей! – громко изумилась она – и тем самым пробудила не угасающее с той поры негодование своей первой учительницы и ощутила действенность ее правой руки.

Чуть позже, когда краснота на щеке сменилась синяком, девочка по настоящему нескольких третьеклассников деревенской школы, готовящихся к конфирмации, поделилась с ними

рассказами своих старших братьев о том, что можно двигать крайнюю плоть назад и вперед, пока из члена не брызнет.

В тот же вечер она в рыданиях сидела в комнате для прислуги, пытаясь объяснить отцу, откуда взялись кровоподтеки на ее лице.

– Наверняка ты сама виновата, – изрек отец.

На этом беседа закончилась. Он был на ногах с трех часов утра и уже утомился. Отец жил в таком режиме, с тех пор как старший сын получил работу в Биркельсе, а близнецы отправились на заработки в Виде-Сэнде.

Затем время от времени из школы поступали жалобы на Нэте, однако отец никогда не относился к ним всерьез.

И маленькая Нэте ничего не понимала.

* * *

Спустя неделю после несчастного случая одна из молодых медсестер подошла к кровати и спросила, нет ли кого-то из знакомых, с кем можно было бы связаться.

– Мне кажется, вы единственная из пациентов отделения, кого не навещают, – сказала она.

Естественно, медсестра просто пыталась разговорить Нэте, однако в результате женщина еще сильнее замкнулась в себе.

– Нет, у меня никого нет, – ответила Нэте и попросила дать ей возможность полежать в покое.

Тем же вечером пришел молодой адвокат из Марибо, представившийся поверенным мужа и уведомивший о том, что скоро ей придется подписать некоторые бумаги, чтобы начался суд по вопросам наследства. Состояние Нэте он не принимал во внимание.

– Нэте, у вас уже есть идеи, как вы будете вести бизнес вашего супруга? – спросил адвокат, словно данная тема не раз обсуждалась между ними ранее.

Она покачала головой. Как он может задавать ей такие вопросы? Она работала лаборанткой. Познакомилась со своим мужем на его собственном предприятии – он уже давно им владел, – вот и все.

– Вы сможете присутствовать на похоронах завтра? – спросил адвокат.

Нэте закусила губу. Она почувствовала, как останавливается дыхание и вместе с ним замирает весь мир. Как свет на потолке стал вдруг слишком резким.

– На похоронах? – Больше она ничего произнести не смогла.

– Да. Сестра вашего мужа Тина позаботилась об организации похорон совместно с нашим адвокатским бюро. Указания вашего супруга предельно ясны, а потому отпевание и все прочие процедуры состоятся в церкви Стоккемарке завтра в тринадцать часов. В соответствии с его желанием провести церемонию как можно скромнее, присутствовать будут лишь самые близкие люди.

Больше слушать она не могла.

4

Ноябрь 2010 года

Новый телефон в кабинете Асада был поистине уникальным. Как пражские куранты, он принимался трезвонить с максимальной громкостью, и, если хозяина не оказывалось на месте, всем вокруг приходилось выслушивать множество тактов, прежде чем мобильник наконец отзвонится. Два раза Карл просил Асада убрать эту штуку, однако тот возразил, что казенный телефон тоже звонит громко, а раз уж у него нашлась эта вещица, почему бы не пользоваться ею?

«Друзья – самые злейшие враги», – подумал Карл, когда телефон в очередной раз позвонил и пришлось подниматься на ноги, которые так удобно лежали на выдвинутом нижнем ящике письменного стола.

– И все-таки тебе наконец придется сменить этот чудовищный аппарат! – заорал он, в то время как Асад что-то мычал у себя в офисе.

– Ты слышал, что я только что сказал? – спросил Мёрк, когда шмыгающая носом шарообразная голова появилась в дверях.

Асад не ответил. Возможно, нежелательный вопрос спровоцировал внезапную глухоту.

– Звонил Бак, – вместо этого заявил Асад. – Он говорит, что стоит на Эскильдсгэде перед квартирой в подвальном этаже, где живет литовец, напавший на его сестру.

– Что ты такое мелешь? Берге Бак? Дьявол! Надеюсь, ты бросил трубку?

– Нет, он сам бросил трубку, но перед тем успел сказать, что если мы не приедем, то тебе же будет хуже, Карл.

– Мне? Так почему же он тогда звонит тебе?

Асад пожал плечами:

– Я был здесь ночью, когда он приходил и положил папку с делом на стол Розы. Его сестра подверглась нападению, ты ведь в курсе?

– Безусловно.

– Он сказал, что знает, кто ее обезобразил, на что я ему посоветовал действовать решительно.

Карл взглянул в темные, покрасневшие от гриппа глаза Асада. Что, черт возьми, случилось с его башкой? Чем она забита?

– Боже мой! Он больше не полицейский. По-датски это называется самосуд – то, в чем он хочет нашего участия. Уголовное преступление! Асад, знаешь, что потом последует? Дармовые харчи на протяжении довольно долгого времени, а когда в один прекрасный день ты покинешь каменный мешок, у тебя на столе вообще не будет никакой еды. Прощай, друг.

– Понятия не имею, о каком мешке ты толкуешь и к чему сейчас разговоры про еду. Мне вообще в горло ничего не лезет, когда я так сильно пристыжен.

Карл покачал головой:

– Простужен, Асад. Это называется – простужен.

Неужели у него и словарный запас заболел?

Карл потянулся к телефону и набрал номер начальника отдела по расследованию убийств. И тут ему ответил странно гнусавящий голос, обычно весьма властный.

– Да-да, – ответил начальник, когда Мёрк проинформировал о звонке Берге. – Бак явился ко мне к восьми утра и потребовал вернуть его на прежнюю работу. Минута...

Карл насчитал восемь чихов, прежде чем бедняга вновь взял трубку. Еще один инфицированный участок, куда Карла теперь не затащить даже с помощью дюжины диких жеребцов.

– Проблема в том, что, видимо, Бак прав. Литовец Линас Версловас был осужден за аналогичное преступление в Вильнюсе, и нет никаких сомнений в том, что он получает доходы от сексуального бизнеса. Просто пока что мы не можем это доказать, – продолжил он.

– Хорошо. Я четко слышал по полицейскому радио, как она заявила, что не может указать на обидчика, и наверняка она то же самое сказала своему брату.

– Нет, он утверждает, что ему она не говорила такого. Однако в прошлом у дамы были какие-то проблемы с Версловасом, Бак точно знает.

– А теперь наш Берге Бак стоит где-то на Вестебро и строит из себя полицейского.

В трубке опять послышалась серия чихов.

– Карл, можно было бы отправиться туда и остановить его. Все-таки надо благодарить бывшего коллегу.

– Неужели? – возмутился Мёрк, но Маркус Якобсен снова выпал из беседы.

Даже начальник отдела по расследованию убийств может спасовать перед болезнью, захлебываясь соплями.

– Что такое, Карл? – из-за спины поинтересовался Асад, словно еще не понял, что к чему.

По крайней мере, какое-то время он уже стоял поблизости, укутанный в свой большой пуховик.

– Я предупредил Розу, что нас не будет несколько часов, но она ничего не слышит. У нее на уме одна Рита Нильсен.

Удивительный человек этот Асад! Как он вообще рассчитывает выйти в слякотную копенгагенскую погоду в таком состоянии? Может, у него что-то не то с генами? Или пыль пустыни закалила его тело так, что оно больше не реагирует на ноябрьский холод и ветер?

Карл вздохнул и стащил со стула пальто.

– Только один вопрос, – обратился он к Асаду по дороге из подвала наверх. – Почему ты так рано пришел? Кто-то мне сказал, что чуть ли не к четырем утра.

Мёрк ожидал конкретного ответа вроде: «Я разговаривал со своим дядей по скайпу, раннее утро для него наиболее удобно», но никак не умоляющего взгляда, каким смотрит человек, которого собираются подвергнуть всем мыслимым мучениям.

– Разве не все равно? – хотел отвертеться Асад, но с Карлом такие уловки не проходили.

Фраза «разве не все равно» – отговорка, к ней прибегают люди, когда им совсем не «все равно». Более дурацкой фразы, если не считать выражений «мне в лом» и «что дальше?», Карл не знал.

– Если ты хочешь перевести нашу беседу на несколько иной уровень, Асад, тебе придется вынуть затычки из ушей. Если я о чем-то спрашиваю, значит мне это не «все равно».

– Я не понял, что мне надо вынуть?

– О, бог мой, просто ответь мне, Асад, – раздраженно ответил Карл, просовывая в пальто руку. – Почему ты приходишь в такую рань? Это как-то связано с твоей семьей?

– Да, связано.

– Послушай. Если у тебя какие-то разборки с женой, то дело твое. Или если ты хочешь поговорить со своим дядей, или кто он там тебе, по скайпу, то вряд ли необходимо делать это, когда петухи еще не пропели, верно? А если уж есть такая необходимость, у тебя разве дома нет компьютера?

– Карл, какая связь между мной и пением петухов?

В этот момент вторая рука Мёрка застряла в рукаве.

– Проклятие, Асад, существует такая поговорка... У тебя дома нет компьютера?

Тот пожал плечами:

– Нет, в данный момент нету. Сложно объяснить... Ну что, может, отправимся к Баку?

В незапамятные времена, когда Карл натягивал белые перчатки и приступал к утреннему патрулированию в этой части Вестебро, из облезлых окон высовывались люди и дразнили его

на сленге копенгагенских низов: «Пускай вонючий ютский легавый надевает деревянные башмаки и проваливает обратно в свой навоз». Прежде это здорово задевало Карла, но теперь он скучал по тому времени. Сейчас он стоял посреди района, где бездарные архитекторы с согласования безмозглой местной администрации выстроили уродливые здания из вонючих бетонных блоков, ненавистные даже неквалифицированным рабочим. Да, старые добрые времена уже не вернуть. В таких закоулках люди соглашались жить, только если у них нет иного выбора. Просто-напросто. А те, кто проживал здесь раньше, теперь обитают в еще менее привлекательном Исхое и мечтают перебраться обратно.

Нет уж, если хочешь полюбоваться на добротные кирпичные здания с карнизами и закопченными дымоходами, отправляйся к черту на кулички и броди по переулкам Истедгэде. А вот если хочется посмотреть на бетонные скорлупы, отвисшие задницы в тренировочных штанах или непроницаемые лица, ты пришел в правильное место. Здесь процветают нигерийские сутенеры бок о бок с восточноевропейскими аферистами. Здесь развились благодатные условия для самых постыдных и причудливых форм преступности.

Берге Бак дольше кого-либо из отдела по расследованию убийств проработал в этих кварталах, а потому знает все здешние тонкости, и одна из них заключается в том, чтобы ни за что и никогда не оказываться здесь одному, без поддержки напарника.

Карл и Асад стояли под проливным дождем и озирали унылые пустынные улицы. Бака тут не было. Видимо, уже угодил в ловушку.

– Он сказал, что дождется нас, – произнес Асад, указывая на лестницу в подвальное помещение, где располагался разорившийся магазинчик с матовыми стеклами.

– Ты ручаешься за адрес?

– За бомбу можно ручаться, Карл?

«Видимо, Асад снова не понял выражение», – подумал Карл, читая выгоревшую на солнце табличку, прикрепленную к дверному стеклу и гласившую: «Каунас Трейдинг. Линас Версловас». Звучит вполне невинно, однако подобные фирмы, как правило, умирают столь же быстро, как и рождаются, и зачастую их хозяева меняются чаще, чем сваи причала в Хиртсхальсе.

По дороге Асад зачитывал досье Линаса Версловаса. Литовца несколько раз доставляли в полицейское управление, но всякий раз ему удавалось выпутаться. Безжалостный психопат с невероятной способностью убеждал глупых и наивных восточноевропейцев за какие-то мизерные деньги брать на себя вину за его выходки. Тюрьма Вестре была буквально нафарширована такими людьми.

Карл схватил ручку двери и толкнул ее; колокольчик затрещал, как только дверь скользнула вперед. За ней было небольшое помещение, совершенно пустое, если не считать смятой бумаги и упаковок, оставленных на полу последним хозяином.

Из задней комнаты донесся какой-то приглушенный звук, похожий на удар кулаком.

– Бак! – крикнул Карл. – Ты здесь? – Он положил руку на кобуру пистолета, приготовившись выхватить и снять с предохранителя оружие.

– Я в порядке, – послышалось из-за поцарапанной фанерной двери.

Карл осторожно толкнул ее и незамедлительно оценил представшее его глазам зрелище.

Оба мужчины были здорово отделаны, однако худошавому и жилистому литовцу явно пришлось хуже. Кровоподтек обрамлял вытатуированного дракона, обвивавшего шею Линаса. Можно сказать, придавал рисунку объемность.

На лице Карла появилась гримаса.

– Какого черта ты делаешь? Ты с ума сошел, чувак?

– Он пырнул меня. – Бак кивнул на пол, где валялся нож с окровавленным лезвием.

Проклятый нож-бабочка – открывается одним взмахом руки. Карл ненавидел это дерьмо. Если у противника оказывалась при себе такая штука, лучше сразу заплатить полмиллиона крон, чем связываться.

– Ты в порядке? – спросил Мёрк.

Бак кивнул.

– Поверхностная рана предплечья, обошлось. Я всего лишь уклонялся, так что в рапорте можешь отметить как самооборону, – разяснил он и с такой силой вдарил кулаком литовцу в переносицу, что даже Асад вздрогнул.

– Проклятие! – заревел побледневший парень.

Тем временем Карл шагнул вперед и вмешался.

– Вы видели? Я ни хрена не сделал. И когда он ворвался сюда – тоже. Он сразу начал меня избивать. И что мне оставалось? – не успокаивался литовец.

Едва ли старше двадцати пяти – и уже по уши в дерьме.

Далее из уст юнца последовала еще парочка крепких фраз о том, что он абсолютно ни при чем. Что не знает ни о каком нападении в борделе и что уже тысячу раз говорил об этом полиции.

– Ну, Бак, идем. Живо! – скомандовал Карл, на что тот еще раз ударил литовца.

– Ему не сойдет с рук то, что он изуродовал мою сестру! – Берге повернулся к Карлу, дрожа от негодования. – Ты знаешь, что она, скорее всего, ослепнет на один глаз? Что половина ее головы превратится в один сплошной шрам? Этот урод пускай убирается отсюда, ясно, Карл?

– Бак, если ты не прекратишь, я вызову людей из «Сити». И ты получишь по полной, когда они придут, – предупредил Мёрк, не собираясь шутить.

Асад покачал головой.

– Сейчас.

Он обошел Карла, схватил Бака и потащил его прочь, так что кожаная куртка затрещала по швам.

– Уберите от меня этого черномазого идиота! – заорал литовец, когда Асад схватил его и толкнул к двери в дальней части комнаты.

Литовец грозился, что всех присутствующих поубивают, если они сейчас же не провалят. Что их животы будут вспороты, а головы отрублены. И угрозы следовало воспринимать всерьез, коль уж они исходили от столь криминального типа. Одних угроз было предостаточно, чтобы посадить его за решетку.

Тогда Асад крепко схватил литовца за ворот, так что тот лишился возможности выкрикивать протесты, распахнул дверь задней комнаты и впахнул его внутрь.

Бак с Карлом переглянулись, когда Асад пинком ноги захлопнул за собой дверь.

– Не убивай его, понял? – крикнул Карл на всякий случай.

Тишина за дверью говорила сама за себя.

Бак заулыбался, и Карл понял почему. Ведь теперь он лишился всех своих инструментов. Ни тебе щеголяния пистолетом, ни звонков в «Стейшн-Сити». По крайней мере, он не будет подставлять своего помощника, и Бак прекрасно это знал.

– Брюзга ты, Карл.

Бак задрал рукав и осмотрел рану на предплечье. Пара стежков, возможно, все-таки понадобятся. Он вытащил из кармана очень несвежий носовой платок и перевязал рану. Карл этого делать не стал бы, впрочем – пускай. Получит заражение крови – вот и научится сдерживать свои эмоции.

– Мне хорошо известно твое прошлое, Карл. Вы с Анкером лучше кого бы то ни было умели вышибать дерьмо из таких свиней. Вы были великим дуэтом. Если бы Харди не попал в ваш тандем, все могло бы закончиться худо. Так что не надо изображать из себя обиженного.

Мёрк покосился на дверь в заднюю комнату. Чем там занят Асад, будь он неладен? Затем снова вернулся к Баку.

– Ни черта ты не знаешь. Понятия не имею, на чем строятся твои догадки, но имей в виду, что ты ошибаешься.

– Я немного поинтересовался у твоих знакомых. Удивительно, что вам удалось избежать наказания за превышение должностных полномочий. Наверное, Карл, вас оставили в покое, так как вы демонстрировали прекрасные результаты во время ведения допросов. Возможно, поэтому... – Он опустил рукав. – Я хочу вернуться в управление. И думаю, ты сумеешь мне помочь, – продолжал он. – Я в курсе, что Маркус против, но я также в курсе, что твое слово имеет для него определенный вес. Понятия не имею почему.

Карл покачал головой. Интуиция была его врожденным свойством, тогда как Бак, напротив, ею не обладал.

Карл сделал несколько шагов вперед и открыл дверь в заднюю комнату.

Представшая его глазам картина оказалась весьма миролюбивой. Литовец сидел на краю стола и смотрел на Асада, как загипнотизированный. Его прежде озлобленное и искаженное гневом лицо теперь было серьезно. С лица была смыта кровь, плечи опустились.

Он поднялся по кивку Асада, прошел мимо Бака с Карлом, не глядя в их сторону и не говоря ни слова, поднял с пола спортивную сумку, затем выдвинул из шкафа один из ящиков. Достал оттуда одежду, обувь, некоторое количество наличных и швырнул все в сумку как попало.

Асад, все еще с красным носом и влажными, как у собаки, глазами, молча наблюдал за парнем. Не сказать чтобы вид Асада мог кого-то особо утратить.

– Теперь можно мне забрать?... – спросил литовец и показал на свои вещи.

Полицейский отдал две фотографии и кошелек.

Линас открыл кошелек и просмотрел все отделения. Огромное количество наличных денег и пластиковых карт.

– Отдай мне права, – добавил он, но Асад отрицательно покачал головой.

Очевидно, они уже обсуждали данный вопрос.

– Тогда я уйду, – сказал литовец.

Берге Бак уже собрался возразить, однако Асад махнул рукой. У него все было под контролем.

– У тебя есть тридцать часов, и ни секундой больше. Ясно? – спокойно произнес Асад, и парень кивнул.

– Какого дьявола, чувак?! погоди! Ты не можешь позволить ему взять и уйти! – заорал Бак, но замолчал, когда Асад повернулся к нему и спокойно сказал:

– Он теперь в моей власти, Бак, неужели ты не видишь? Так что выкинь его из головы, понял?

Берге на мгновение побледнел, но вскоре оправился. Асад произнес весьма неожиданную фразу, и Бак оказался выбитым из колеи. Ситуация выскользнула из его рук, и он примирился с этим.

Последнее, что они увидели, когда литовец открыл дверь и исчез в первом помещении, была татуировка дракона, да еще бедолага едва не потерял один ботинок. Перевоплощение было кардинальным. Шелуха слетела. Остался лишь паренек двадцати пяти лет, и он удирал со всех ног.

– Можешь передать своей сестре, что она отомщена, – прохрипел Асад. – Больше вы его никогда не увидите. Гарантирую!

Карл нахмурился, но молчал до тех пор, пока они не очутились на тротуаре перед служебным автомобилем.

– Что там произошло, Асад? – поинтересовался он. – Что ты с ним сделал? И почему именно тридцать часов?

– Я просто жестко взял его за грудки и назвал кое-какие имена. Имена людей, которые будут натравлены на него и всю его семью, если он сейчас же не уберется из страны. Сказал, что мне все равно, что он там совершил, но он должен спрятаться очень хорошо, иначе его отыщут. – Асад кивнул. – Но его все равно отыщут, если захотят.

Берге взглянул недоверчиво. Ему Асад давно казался подозрительным.

– Есть лишь одна вещь, к которой эти ребята относятся с уважением. Русская мафия, – сказал Бак. – И пожалуйста, не пытайся меня убедить, что ты угрожал ему чем-то в таком роде. – Он подождал ответа от Асада, но тщетно. – Значит, ты дал ему уйти, придурок.

Тот слегка наклонил голову и посмотрел на Бака покрасневшими глазами:

– Я уверен, ты можешь сказать своей сестре, что теперь все хорошо... Не пора ли нам возвращаться, Карл? Мне просто необходима чашка горячего чая.

5

Ноябрь 2010 года

Карл лениво переводил взгляд с рабочей папки на столе на висевший на стене телевизор, но пока не решил, чем заняться в первую очередь. В новостях на TV-2 министр иностранных дел ковыляла на своих шпильках, пытаясь выглядеть представительно, в то время как журналисты подобострастно кивали и склонялись под ее свирепым взглядом. На столе лежала папка, пробуждающая воспоминания о смерти дяди в 1978 году.

Выбор между чумой и холерой.

Мёрк почесал за ухом и закрыл глаза. Что за напряженный день! А так хочется хоть когда-нибудь расслабиться...

Метровая полка с новыми делами, причем за два из них уже принялась Роза. Больше всего ее заинтересовало дело о Рите Нильсен, хозяйке публичного дома, пропавшей в Копенгагене. Уже одно это не предвещало ничего хорошего. Не говоря об Асаде, сидящем в другом конце коридора и сморкающемся каждые пять секунд, так что бактерии из его каморки целыми полчищами устремлялись наружу. Он едва стоял на ногах и тем не менее около полутора часов назад сумел припереть к стенке закоренелого преступника настолько действенными угрозами, что тот ретировался сломя голову с полными ужаса глазами. Как это у него получилось? Даже Анкер, прежний напарник Карла, способный вызывать у людей мурашки, был младенцем по сравнению с Асадом.

И вот еще то проклятое дело давно минувших дней... Зачем двоюродный братец Ронни в тайском баре вякал о том, что смерть его отца не была несчастным случаем, если Карл точно знал – это самый что ни на есть несчастный случай? И зачем Ронни сказал, что убил отца, если это полная чушь? Ведь они с Карлом стояли бок о бок и пялились на две пары копенгагенских сисек, следовавших по Йоррингвайен, когда все произошло, так что Ронни никак не мог быть убийцей. А теперь Бак с полной убежденностью рассказывал, будто Ронни назвал Карла соучастником...

Мёрк покачал головой, выключил телевизор, транслирующий пустоголовую, самодовольную и вспылчивую даму – министра иностранных дел, – и взял телефонную трубку.

Это действие вылилось в четыре бесполезных звонка по четырем разным номерам. Один из звонков был посвящен сводке из Народного регистра и, как и остальные три звонка, тоже ни к чему не привел. Ронни обладал удивительной способностью постоянно где-то пропадать.

Пусть тогда Лиза разыщет этого несчастного, в какой бы дыре он ни находился.

Прошло еще полминуты, прежде чем Карл с раздражением положил трубку и поднялся с места, чувствуя, как ему все это осточертело. С какой стати секретари наверху не отвечают на телефонные звонки?

Поднимаясь на третий этаж, он повстречался с несколькими сотрудниками с покрасневшими носами и кислыми минами. Черт возьми, как разбушевался грипп!.. Мёрк проходил мимо, заслоняя лицо рукой. «Прочь, прочь, гриппозный дьявол», – бормотал он про себя, сдержанно кивая чихающим и кашляющим коллегам. У них были такие блестящие глаза и такие истерзанные выражения на лицах, словно мир для них вот-вот рухнет.

Наверху, в отделе по расследованию убийств, напротив, было тихо, как в могиле. Как будто все убийцы, на которых сотрудники отделения когда-либо надевали наручники, теперь объединились, дабы отомстить стражам порядка применением бактериологического оружия. Они что, все вымерли?

По крайней мере, за стойкой не оказалось ни сексапильной кокетливой Лизы, ни, что еще более странно, фру Сёренсен, этой кислой каланчи, поднимавшейся со своего места исключительно ради посещения туалета.

– Куда все провалились? – заорал Мёрк, так что задребезжали переплетные машины.

– Господи, Карл, заткнись, – прохрипел какой-то голос из-за открытой двери в середине коридора.

Карл просунул голову в неряшливый кабинет с грудami бумаг и нагромождениями старой мебели, по сравнению с которым его собственный офис в подвале можно было считать люксовой каютой на круизном лайнере, кивнул голове, торчащей из-за вороха бумаг, и успел задать вопрос, прежде чем Терье Плуг поднял на него свою простуженную физиономию.

– Скажи, где все? Здесь буйствует эпидемия гриппа?

Ответ оказался красноречивее некуда. Пять отборнейших чихов, сопровождающихся покашливанием и раздутием ноздрей.

– Ладно! – крикнул Карл и отступил назад.

– Ларс Бьерн – в зале для брифингов с одной из групп, а Маркус – на выезде, – донеслось до него сквозь шмыганье носом. – Раз уж ты пришел, Карл, скажу тебе, что у нас появился новый след в деле о строительном пистолете. Я как раз собирался тебе позвонить.

– Слушаю.

Карл задумался. Столько времени прошло с тех пор, как их с Анкером и Харди подстрелили в ветхой лачуге на Амагере? Неужели он так никогда и не сможет избавиться от мыслей об этом?

– Деревянный барак, где вас подловили после того, как вы обнаружили тело Георга Мэдсена со строительным пистолетом в башке, снесли сегодня утром, – сухо поведал Плуг.

– Отлично, давно пора было.

Карл сунул руки в карманы. Ладони были мокрыми.

– С ним как следует поработали бульдозерами, так что верхний слой почвы был тщательно прочесан.

– Допустим. И что там обнаружили? – спросил Мёрк.

Он уже с трудом слушал. Чертова переделка.

– Деревянный ящик, сколоченный гвоздями «Паслод», а внутри мешок с частями тела в очень разном состоянии. Они нашли ящик около часа назад и оповестили полицию. Техники и Маркус уже на месте.

Черт возьми. Теперь их с Харди в ближайшее время точно не оставят в покое.

– Практически нет никаких сомнений в том, что убийство Георга Мэдсена и еще двух парней в Сорё, также убитых гвоздезабивателем, каким-то образом связано с телом, обнаруженным в ящике, – сказал Терье Плуг, вытирая влажные уголки глаз носовым платком, который надлежало бы сжечь под надзором специалистов.

– А на чем строится это предположение?

– На том, что в череп трупа был вбит довольно длинный гвоздь.

Карл кивнул. С другими жертвами было то же. Разумный вывод.

– Я хочу попросить тебя поехать на место находки через полчаса.

– Меня? Что мне там делать? Это больше не мое дело.

Судя по выражению лица Терье Плуга, Карл с таким же успехом мог сказать, что отныне он будет носить исключительно розовые свитера из верблюжьей шерсти и заниматься только теми делами, где фигурируют трехногие далматинцы.

– У Маркуса на этот счет имеется иная точка зрения, – коротко сказал Плуг.

Естественно, это было и его дело, о чем ему ежедневно напоминал заметный шрам на виске. Метка Каина, свидетельствовавшая о трусости и охватившей его нерешительности в самый ответственный момент жизни.

Карл блуждал взглядом по стенам кабинета Плуга, увешанным фотографиями улик с мест преступлений. Их было достаточно, чтобы наполнить среднего размера коробку для переезда.

– Хорошо, – наконец согласился Карл. – Но я поеду туда сам, – добавил он на октаву ниже обычного своего тембра.

Уж по крайней мере, не сидеть же в этом насквозь гриппозном отделении. Так что лучше уйти.

– Что ты здесь забыл? – раздался из-за стойки голос фру Сёренсен, когда несколько мгновений спустя Карл проходил мимо секретарского отдела, вспоминая события того самого трагического дня: смерть Анкера и серьезное ранение Харди, приведшее к инвалидности.

Ее голос прозвучал мягко и даже почти дружелюбно – это не предвещало ничего хорошего, так что Карл медленно повернул голову в ее сторону, прочистил горло и приготовился дать отпор.

Она стояла всего в нескольких метрах, но как будто расплывалась в его глазах.

И отнюдь не потому, что оделась как-то иначе, чем обычно. Фру Сёренсен по-прежнему была похожа на невзыскательную и недалекую обывательницу. У нее были пересушенные черные и теперь довольно короткие волосы. Глаза дамы блестели, как лакированные туфли на придворном балу, однако хуже всего, что на ее щеках расплылись два небольших красных пятна. Они не только свидетельствовали об отличном кровообращении, но и предупреждали, что женщина больна.

– Рада тебя видеть, – произнесла фру Сёренсен.

Весьма неожиданно, будь она неладна!

Карл промывчал что-то. А кто бы посмел отреагировать как-то иначе?

– Вы не знаете, где Лиза? Она тоже болеет? – осторожно спросил Карл, готовый к ее язвительной усмешке.

– Она в комнате для брифингов, стенографирует, но чуть позже ей нужно будет спуститься в архив. Передать ей, чтобы заскочила к тебе?

Карл сглотнул. Она сказала «заскочила»? Неужели он слышал, как волчица Ильза, то есть фру Сёренсен, употребила слово «заскочить»?

После недолгого замешательства он криво улыбнулся и уверенно направился к лестнице.

* * *

– Да, шеф, – прошмыгал Асад. – О чем ты хотел со мной побеседовать?

Мёрк зажмурился:

– Все очень просто, Асад. Ты должен мне рассказать, что в точности произошло в задней комнате на Эскильдсгэде.

– Что произошло? Просто чувак наконец-то вынул затычки из ушей.

– Понятно, Асад, но почему? Кем и чем ты ему угрожал? Вряд ли прибалтийца-уголовника можно напугать сказками Андерсена, верно?

– Ну... они тоже бывают довольно страшными. Вот, например, там, где было про яблоко с ядом...

Карл вздохнул:

– «Белоснежку» написал не Андерсен, ясно? Кого ты пригрозил на него натравить?

На мгновение Асад стушевался. Затем сделал глубокий вдох и посмотрел Карлу прямо в глаза:

– Я лишь сказал ему, что у меня есть его водительское удостоверение и я могу отправить документ по факсу тем, с кем я работал раньше. Я сказал, что он должен отправиться домой, к своей семье, и вместе с ними убраться подальше, ибо если к моменту визита моих знакомых в доме еще кто-либо останется или он сам еще не покинет Данию, то дом будет подорван.

– Подорван? Думаю, нам не стоит больше никому про это рассказывать, ясно? – Карл специально выдержал паузу, но Асад даже не моргнул. – И тот человек поверил тебе? – продолжал Мёрк. – Но почему? Кому ты хотел послать факс и кого так испугался литовец?

Асад вытащил из кармана сложенный лист бумаги. «Линас Версловас», – было написано наверху. Затем размещалась довольно схожая с оригиналом, но совсем не лестная фотография, некоторые краткие сведения и какая-то абракадабра на незнакомом Карлу языке.

– Я добыл информацию о нем, прежде чем мы отправились «на беседу», – пояснил Асад, нарисовав в воздухе жестом знак кавычек. – От друзей, живущих в Вильнюсе. Они могут отправиться в полицейский архив в любой момент.

Карл нахмурился:

– Ты утверждаешь, что получил сведения от работников литовских спецслужб?

Асад тряхнул головой, так что с кончика носа упала капля.

– И эти люди зачитали тебе перевод по телефону?

С носа Асада слетела очередная капля.

– Ага. Вероятно, речь шла не об особо приятных делах, могу предположить. А потом, значит, ты пригрозил этому Линасу Версловасу тем, что тайная полиция, или как там ее называют, подвергнет репрессиям его семью? У него действительно имелись основания в это поверить?

Асад пожал плечами.

Карл протянул руку через стол и подвинул к себе пластиковую папку:

– Твое дело из управления по делам иммигрантов лежит у меня ровно с того дня, как ты здесь появился, Асад. И вот наконец у меня дошли руки до его подробного изучения.

Мёрк почувствовал, как тяжелый взгляд пары черных глаз уставился ему в макушку.

– Насколько я вижу, Асад, все сведения о твоём прошлом до мельчайших деталей совпадают с тем, что ты мне уже рассказывал. – Он поднял взгляд на помощника.

– Да, и что, Карл?

– Ничего другого тут нет. В том числе и информации о том, чем ты занимался, прежде чем приехал в Данию. Ни сведений о том, чем ты заслужил право на пребывание в этой стране, ни о том, по чьему распоряжению столь быстро было удовлетворено твоё ходатайство о предоставлении убежища. Как нет и дат рождения твоей жены и ваших детей, и вообще ничего о твоей гражданской жизни. Одни имена, – этим все ограничивается. Здесь содержится довольно нетипичный и неполный набор сведений. Можно даже подумать, что кто-то покопался в бумагах и кое-что подкорректировал.

Асад вновь пожал плечами. Очевидно, это движение плечами имело множество смыслов.

– Теперь ты утверждаешь, что у тебя имеются друзья в литовских спецслужбах, готовые по первому твоему звонку оказать тебе помощь, прибегнув к угрозам и раскрытию конфиденциальной информации. Знаешь что, Асад...

Помощник снова пожал плечами, однако на этот раз его взгляд стал более настороженным.

– Это означает, что ты способен делать то, чего не может даже начальник полицейской разведки.

Опять движение плечами.

– Вполне возможно, Карл. Но что ты хочешь этим сказать?

– Что я хочу сказать? – Мёрк выпрямился и швырнул папку на стол. – А вот что: кто за тобой стоит, будь он сто раз неладен? Вот что мне очень хотелось бы знать и о чем я не имею возможности прочитать здесь!

– Карл, послушай, разве нам тут с тобой плохо работается? Зачем тогда копаться в прошлом?

– Потому что сегодня ты сам преступил все возможные границы.

– И что?

– Черт тебя побери... Почему ты не можешь просто-напросто рассказать мне, что работал на сирийские спецслужбы и наворотил столько всякого дерьма в прошлом, что они перережут тебе глотку, если ты вернешься домой? Рассказать, что здесь ты сотрудничал с внутренней или внешней разведкой или с кем-то из других бандитов и что им не пришло в голову ничего лучше, кроме как предоставить тебе возможность работать в нашем подвале за сущие гроши? Почему не рассказать это все мне?

– Конечно, Карл, я бы с удовольствием, если бы все это было правдой. Но ты почти во всем ошибся. Да, я когда-то работал на Данию, и именно поэтому я тут, и по той же самой причине не могу ничего рассказать. Возможно, когда-нибудь смогу.

– Значит, у тебя друзья в Литве... А где еще, можешь открыть? Не исключено, что это послужит на пользу дела в следующий раз, если я буду в курсе, правда?

– Обязательно открою, когда будет нужно. Но до определенной ступени.

Карл опустил плечи:

– Это называется – до определенной степени. – Он попытался улыбнуться своему простуженному ассистенту. – Но впредь не надо делать того, что ты сделал сегодня, сначала не дав мне намека, договорились?

– Не дав чего?

– Не подмигнув мне. Сначала предупреди меня, а потом уже действуй, ясно?

Тот выставил нижнюю губу вперед и кивнул.

– И еще. Можешь наконец сказать мне, чем ты занимаешься в управлении в такую рань? Мне не полагается знать? И почему мне нельзя навестить тебя на Конгевайен? А почему я стал свидетелем твоей разборки с человеком, который, по-видимому, тоже приехал с Ближнего Востока? Почему вы с Самиром Гази из Редовре каждый раз впиваетесь друг другу в глотку, стоит вам увидеться?

– Извини, не могу сказать.

Асад произнес это так, что Карла задело. Прозвучало оскорбительно. Словно отказ товарища от протянутой руки. Словно недвусмысленное указание на то, что, несмотря на дружбу, Карл для него на втором плане. Карл совершенно не был в курсе, где пребывает Асад после того, как покидает ворота управления. Мёрк был по горло сыт этой его конфиденциальностью.

– Даже не предполагала, что обнаружу, как вы тут вдвоем мило сидите и беседуете, – донесся знакомый голос из коридора.

Остановившись на пороге, Лиза соблазнительно улыбнулась и подмигнула коллегам. Как не вовремя...

Карл взглянул на собеседника. Тот принял расслабленную позу и сменил выражение лица на восхищенное.

– Ох, бедняжка. – Лиза сделала несколько шагов вперед и нежно погладила Асада по иссиня-черной щеке. – Ты тоже простудился? У тебя так слезятся глаза... А ты заставляешь его работать, Карл. Неужели не видишь, насколько парень беспомощен? – Она повернулась к Карлу с укоризной в синем взоре. – Плуг просил тебе передать, что они ждут тебя на Амагере.

6

Август 1987 года

Лишь дойдя до самого конца Корсгэде и сев на скамейку под каштанами перед дверью дома с видом на озеро Пеблинге, она ощутила себя полностью свободной от осуждающих взглядов жителей большого города и темницы собственного тела.

На городских улицах гуляли красивые и подтянутые люди – только что она в этом убедилась, – и именно теперь ей было сложно вписаться в их компанию. Особенно сегодня.

Прикрыв глаза, Нэте потрогала голень и осторожно потерла. Положив кончики пальцев на шишковатые наросты, мысленно обратилась к своей привычной мантре: «Я нормальная», «я совершенно нормальная», но сегодня эта фраза казалась бессмысленной, независимо от того, где сделать ударение. Прошло много времени с тех пор, как она в последний раз бормотала эти слова.

Нэте нагнулась вперед, сложила руки на коленях и прижалась лбом к рукам, при этом принялась делать движения ступнями, словно выбивая ими легкую барабанную дробь. Обычно это помогало справиться с омерзительной стреляющей болью.

Поход в универмаг «Дэллс» и возвращение на Пеблинге Доссеринг требовало усилий и причиняло боль. Болела сломанная берцовая кость из-за давления на ступню. С каждым шагом стреляло в голеностопном суставе, ведь нога стала короче. Неприятно отдавало в бедро, на которое приходилась дополнительная нагрузка.

Ей было очень больно, но не это самое страшное. Проходя по Нёррегэде, женщина смотрела прямо перед собой, стараясь не хромать, прекрасно зная, что это у нее не получится. Двумя годами ранее она была привлекательной и изящной, а теперь ощущала себя собственной тенью.

Однако тени прекрасно живут во тьме, думала она до этого момента. Большой город сглаживал недостатки лучше, нежели открытое пространство. Именно поэтому Нэте два года назад переехала в Копенгаген. Подальше от стыда, скорби и пронизывающего холода, исходящего от местных жителей Лолланда.

Она переехала из Хавнгорда, чтобы позабыть обо всем, и тут случилось это.

Нэте сжала губы, когда мимо нее проходили две молодые женщины с детскими колясками. Их лица светились от счастья. Они радостно щебетали о чем-то.

Она отвела взгляд и уставилась сначала на одного из местных бродяг, наверняка внебрачного ребенка, а затем на плавающих в озере птиц.

Проклятая жизнь. Три четверти часа назад какие-то двадцать секунд в лифте универмага «Дэллс» буквально потрясли ее. Большого и не требовалось. Только двадцать секунд.

Нэте закрыла глаза и представила себе все вновь. Шаги в направлении лифта на пятом этаже. Нажатие кнопки. Облегчение, что не придется ждать более пары секунд, прежде чем откроются двери.

Но именно тот момент надолго запомнился ей.

Она вошла не в тот лифт. Если бы Нэте выбрала лифт в противоположном конце отдела, то могла бы продолжать свою прежнюю жизнь. Она попала бы под защиту авторитетов Нёрребро.

Женщина покачала головой. Теперь все изменилось. С тех самых роковых секунд существования Нэте Росен было прервано. Она оказалась мертва, изгнана, уничтожена. Теперь она вновь стала Нэте Германсен. Девушка со Спрогё красноречиво заявила о своем воскрешении.

Со всеми вытекающими последствиями.

Спустя восемь недель после несчастного случая ее выписали из больницы, не устраивая особой сцены прощания, и в течение нескольких месяцев Нэте в одиночестве жила в

Хавнгорде. Адвокаты работали не покладая рук, так как наследство было приличное; иногда им даже удавалось заметить сидящих в засаде по канавам или в кустарнике фотографов. Когда в автомобильной аварии разбиваются видные представители датского бизнеса, необходимо продавать эту новость на первые полосы – а что может способствовать успеху продаж больше, нежели изображение вдовы на костылях, убитой горем? Однако Нэте задернула шторы и предоставила обществу возможность неистовствовать без ее участия. Она прекрасно знала, что думают люди. Дамочка, проделавшая путь от исследовательской лаборатории до постели шефа, по их мнению, не заслуживала милости. Окружение в течение долгого времени пресмыкалось перед ней исключительно из-за ее богатого мужа, не из-за чего больше.

Это ощущалось до сих пор. Даже кое-кому из сиделок не удавалось скрывать презрение; впрочем, таких она быстро заменяла.

За долгие месяцы рассказы о роковой аварии Андреаса Росена обросли изрядным количеством слухов и свидетельств очевидцев. Стало раскрываться прошлое Нэте, и, когда ее повезли в полицейский участок в Марибо, провинциальные жители стояли у окон и улыбались. К этому моменту все в городке уже были в курсе, что жители дома, расположенного напротив места аварии, заметили какую-то потасовку в салоне автомобиля непосредственно перед тем, как машина проломила бурелом и полетела в воду.

Но Нэте не сдалась и не призналась в грехе ни обществу, ни высшей инстанции. Лишь самой себе.

Нет-нет, ее не смогли застать врасплох, ибо она давным-давно научилась держаться, даже если вокруг бушевала буря.

И ей удалось избежать неприятностей.

Она медленно разделась, стоя у окна с видом на озеро, и спокойно опустилась на стул перед зеркалом в спальне. Шрам внизу живота теперь, когда лобковые волосы сильно поредела, стал более заметен. Почти невидимая глазу узенькая бледно-лиловая полоска, обозначившая границу между счастьем и падением, между жизнью и смертью. Шрам, оставшийся после стерилизации.

Нэте принялась тереть свой бесплодный обвисший живот, стиснув зубы. Она терла его до тех пор, пока кожа не покрылась потом, ноги не задрожали, а дыхание не усилилось и мысли не смешались.

Всего четыре часа назад она сидела на собственной кухне, держа в руках каталог из универмага, и влюбилась в розовый джемпер с пятой страницы.

«Каталог „Весна 1987“», – дразнила надпись. «Модный вязаный узор», – гласил заголовок на одной из следующих страниц. Она посмотрела на это розовое чудо взглядом, чуть затуманенным кофейными парами, и подумала, что такой джемпер с фигурной вязкой в комплекте с блузкой от «Пинетта» с подплечниками немного приободрит ее перед вступлением в новую жизнь. Ибо, несмотря на то что горе огромно, впереди еще много лет жизни, и Нэте все-таки хочет их прожить.

Именно поэтому около двух часов назад женщина очутилась в лифте с новой покупкой и ощущала большую радость. Ровно один час пятьдесят девять минут назад лифт остановился на четвертом этаже и вошел высокий мужчина, встав настолько близко к ней, что она даже ощутила его запах. Он не удостоил ее взглядом, но зато Нэте посмотрела на него. Она рассматривала его, затаив дыхание и беспомощно вжавшись в угол, с горевшими от гнева щеками и надеясь, что он не обернется и не увидит ее лица в зеркале.

Он явно был доволен миром и самим собой. У него все в шоколаде, как говорится. И настоящее, и будущее, даже несмотря на его довольно преклонный возраст.

Подонки.

Один час пятьдесят восемь минут и сорок секунд назад он вышел на третьем этаже, оставив в лифте задыхающуюся Нэте со сжатыми от бессилия кулаками. Время для нее исчезло.

Она так и каталась в лифте вверх-вниз, не реагируя на встревоженные вопросы посетителей универсама. Успокоить сердцебиение и собраться с мыслями ей было ох как непросто.

Когда Нэте оказалась на улице, пакета у нее не было. Кому понадобится розовый джемпер и блузка там, куда она собиралась отправиться?

И вот теперь женщина сидела на пятом этаже в своей квартире, обнаженная, с опозоренной жизнью и запятнанной душой, и размышляла, кому и каким образом ей мстить.

На мгновение Нэте улыбнулась. Возможно, это не она так несчастна, вдруг пришло ей в голову. Возможно, сама судьба позволила нечистому встретиться ей на пути в почти счастливый момент ее жизни.

Такие мысли проносились у нее в голове в первые часы после того, как Курт Вад в очередной раз вторгся в ее жизнь.

* * *

С приходом лета появлялся и кузен Таге. Несносный парень, с которым не могли справиться ни школа, ни улицы Аксена. «Слишком много мышц и слишком мало мозгов» – так говорил ее дядя, но Нэте любила, когда Таге приезжал. С ним было не скучно, долгие недели проносились, словно часы. Кормить кур она могла, но для всего остального была маловата. А Таге, кажется, нравилось пачкать пальцы в навозе, так что на это время свинарник и небольшой коровник становились его владениями. Только когда у них гостил Таге, она ложилась в постель, не ощущая боли в руках и ногах, и потому Нэте его любила.

Возможно, любила даже чересчур.

– Кто научил тебя этим глупостям? – ворчала учительница после школьных каникул.

Да, именно после летних каникул Нэте чаще всего попадало, ибо любимые слова Таге типа «трахаться», «дрючиться» и «ванька-встанька» казались слишком грубыми для чопорной учительницы.

Именно подобные слова да веснушчатая беспечность Таге подтолкнули на путь к Курту Ваду.

Ох, какие скользкие камешки...

* * *

Она поднялась с унитаза и принялась одеваться, а список тем временем уже формировался у нее в голове. От раздумий Нэте покраснела, у нее обозначились морщины на лбу.

Есть люди, которые не заслуживают права жить. Они смотрят только вперед и никогда не оглядываются. Она знала кое-кого из таких. Вопрос состоял лишь в том, как отомстить...

Нэте вышла в длинный коридор и направилась дальше – до самой последней комнаты, где стоял стол, унаследованный ею от отца.

Не менее тысячи раз она принимала за этим столом пищу, а рядом ел отец. Молчаливый, удрученный, уставший от жизни и от боли. Изредка он поднимал глаза и пытался улыбнуться ей, но даже это не придавало ему сил.

Если бы не дочь, он бы задолго до того, как все случилось, нашел себе веревку и повесился – настолько его замучили подагра, одиночество и пустота в мыслях.

Нэте погладила краешек старого стола, где всегда лежала его рука, а затем скользнула пальцами к середине, где с того самого дня, как она сюда переехала чуть менее двух лет назад, занял место коричневый конверт. Он был помят и истрепан от бесчисленного количества открываний и просмотров содержащихся в нем документов.

«Фрекен Нэте Германсен, лаборант, Технический колледж Орхуса, Хальмстадгэде, Орхус-Норд», – было написано на конверте. В почтовом отделении красным цветом подписали номер дома и индекс. Она не уставала благодарить за это служащих почты.

Женщина осторожно провела пальцем по марке и штампу с датой. Минуло почти семнадцать лет с тех пор, как оно упало в ее почтовый ящик. Целую жизнь назад.

Затем она открыла конверт, вынула и расправила письмо.

Дорогая Нэте,

помню, как ты с улыбкой махала нам на прощание из поезда на станции в Бредебро. Это было довольно сложно, но мне все-таки удалось приподнять завесу над всем, что происходило с тобой впоследствии.

Знай – все, что мне теперь известно о твоей жизни за минувшие шесть лет, порадовало меня настолько искренне, что я даже не могу описать это.

Теперь-то ты поняла, что ты нормальная, правда? Что с любыми сложностями можно справиться и что для тебя тоже есть место в мире. Да и какое! Я так горжусь тобой, милая Нэте! Аттестат с лучшими оценками. В Техническом колледже Обенро ты стала лучшей в классе подготовки лаборантов и вот теперь скоро получишь специальность лаборанта биологического направления в Орхусе – просто великолепно! Наверное, ты ума не приложишь, откуда мне все это известно. Сообщу забавную новость: АО «Интерлаб», компания, где ты работаешь с 1 января, была основана моим старым другом Кристофером Хале. Большие того, его сын Даниэль – мой крестник, так что мы регулярно видимся; последний раз встречались в первое воскресенье Адвента⁶, на наших ежегодных семейных посиделках, посвященных вырезанию рождественских сердец и лепке хвороста.

Я поинтересовался у своего друга, чем он занимался в последнее время, и, представь, он только что пересмотрел невероятное количество заявок и показал мне ту, что выбрал. Да-да, можешь себе вообразить, с каким удивлением я обнаружил на ней твое имя. И прости бестактность, но я прочитал эту заявку с изложением твоего жизненного пути. И признаюсь честно, проронил слезу радости. Ну вот, Нэте, не смейся над старческой сентиментальностью, но просто знай, что мы с Марианной невероятно рады за тебя. Ты с уверенностью можешь выпрямить спину и прокричать всему миру ту короткую фразу, какую мы разучили вместе много лет назад: «Я совершенно нормальная!»

ПОМНИ об этом, девочка моя!

Мы желаем тебе удачи и счастья в твоём дальнейшем продвижении по жизни.

Искренне твои,

Марианна и Эрик Ханстхольм

Бредебро, 14 декабря 1970 года

Она трижды перечитала письмо и все три раза уделила особое внимание словам: «Теперь-то ты поняла, что ты нормальная».

– Я нормальная! – громко произнесла она после, представив себе смешливое лицо Эрика Ханстхольма.

Впервые она услышала эти слова в двадцать четыре года, а теперь ей пятьдесят. Столько лет прошло! Надо было созвониться с ним в свое время.

⁶ *Адвент* – период Рождественского поста у католиков и лютеран.

Нэте глубоко вздохнула, наклонила голову и вгляделась в наклонный почерк, прописные буквы и небольшие кляксы, которые оставляла ручка, когда он делал паузы в письме.

Затем вынула из конверта другую бумагу и какое-то время рассматривала ее со слезами на глазах. С тех пор она получила множество дипломов и прошла немало экзаменов, но этот был самым первым и самым главным в ее жизни. Его сделал Эрик Ханстхольм, спасибо ему!

«ДИПЛОМ», – гласил заголовок, написанный аккуратными печатными буквами, а ниже в четыре строчки на весь лист: «Того, кто в состоянии прочитывать это, нельзя назвать неграмотным».

Вот и все содержание бумаги.

Нэте вытерла глаза и сжала губы. Как бездумно и эгоистично, что она так с ним и не связалась... Как бы сложилась ее жизнь, если бы не он и не его жена Марианна? А теперь уже слишком поздно. «Смерть после продолжительной болезни», – гласил некролог трехлетней давности.

«После продолжительной болезни», что бы это ни значило.

Она писала Марианне Ханстхольм, чтобы выразить соболезнование, но письма вернулись обратно. Возможно, ее тоже уже нет на свете, подумала тогда Нэте. И кто же теперь остался среди ее знакомых, помимо тех, кто разрушил ей жизнь?

Никого.

Нэте сложила письмо и диплом и сунула обратно в конверт. Затем подошла к подоконнику, взяла оловянную тарелку и опустила на нее коричневый конверт.

Когда она подожгла его и дым волнами заструился к оштукатуренному потолку, она впервые после аварии избавилась от чувства стыда.

Подождав, пока погаснут угольки, Нэте перетерла их в порошок. Отнесла тарелку к подоконнику в гостиную, на какое-то мгновение замерла перед растением с липкими волосками. Теперь оно пахло не так резко.

Затем высыпала пепел в цветочный горшок и повернулась к бюро.

На верхней полке этого занятого предмета интерьера лежала стопка конвертов с прилегающими к ним листами разноцветной писчей бумаги. Разновидность подарков для хозяйки, столь же неизбежных, сколь неизбежны ароматические свечи. Она отсчитала шесть конвертов, после чего устроилась за письменным столом и написала на каждом по имени.

Курт Вад, Рита Нильсен, Гитта Чарльз, Таге Германсен, Вигто Могенсен и Филип Нёрвиг.

По одному имени на каждый из периодов, когда жизнь ее устремлялась в ложном направлении.

Будучи написанными, эти имена совсем не казались какими-то значительными. Они словно были ее подчиненными – людьми, которых можно стереть из своей жизни единственным росчерком пера. Однако в реальности дело обстояло совершенно не так. Имена эти абсолютно не были пустым звуком. И суть заключалась в первую очередь в том, что эти люди, если они еще живы, разгуливают на свободе точно так же, как Курт Вад. Даже если не углубляться в ее прошлое и всю ту мерзость, какую они сотворили с ее жизнью.

Но Нэте должна заставить своих врагов взглянуть на содеянное. Причем совершенно особым образом.

Итак, женщина сняла телефонную трубку и набрала номер Национального регистра населения.

Ее первая фраза звучала так: «Добрый день, я Нэте Германсен. Не могли бы вы подсказать мне, каким образом я могу отыскать нескольких человек, чьи адреса в моей записной книжке, кажется, уже устарели?»

7

Ноябрь 2010 года

Ветер был переменчивым, и еще издавлек Карл ощутил повисший в сыром осеннем воздухе запах трупа.

За парой бульдозеров с опущенными ковшами стояли в белых одеждах сотрудники из отдела по расследованию убийств и беседовали с судебными экспертами.

Значит, дело уже раскрылось, раз появился «Фальк» и санитары из судмедэкспертизы.

Терье Плуг стоял с папкой под мышкой неподалеку и попыхивал трубкой, а Маркус Якобсен дымил сигаретой, но это мало помогало. Бедняга, погребенный весьма неподобающим образом, давным-давно разложился, а такие трупы воняют довольно сильно. Поэтому большинство присутствующих зажали себе носы.

Карл подошел ближе, зажав ноздри, и взглянул на ящик, все еще находившийся в земле, но практически полностью выкопанный и с открытой крышкой. Он оказался не таким большим, как предполагал Карл. Всего три четверти метра в ширину, длину и высоту, однако, для того чтобы вместить грамотно разделанное тело, оказался достаточным. Он был прочным, сколоченным из старых лакированных половых досок с пазами и гребнями. Совершенно очевидно, что ящик мог бы пролежать в земле долгие годы, прежде чем начать гнить.

– Почему они не зарыли тело прямо в землю? – спросил Карл, стоя на краю ямы. – И почему именно здесь? – Он жестом обвел окружающую территорию. – Мест вокруг много, правда?

– Мы поднялись наверх и осмотрели половицы, выломанные из барака. – Начальник отдела по расследованию убийств прижал носовой платок плотнее к воротнику кожаной куртки и показал в направлении кучи досок, валявшихся позади строительных рабочих в оранжевых комбинезонах. – Так что теперь нам практически доподлинно известно, где именно ящик опустили в подпол, – продолжал Маркус Якобсен. – Это произошло почти в самом углу у южной стены. Там поработали циркулярной пилой сравнительно недавно – по словам техников, не более пяти лет назад.

Карл кивнул:

– Так. То есть жертву убили и расчленили где-то в другом месте, а затем перенесли сюда.

– Да, судя по всему, – подтвердил шеф, поморщившись от сигаретного дыма, повисшего над головой. – Возможно, угроза Георгу Мэдсену, чтобы он в большей степени владел собой, нежели тот несчастный, который тут лежит.

Терье Плуг согласился.

– Техники говорят, ящик поместили в прорезанное пилой отверстие в полу гостиной. Насколько я могу судить из предварительного рапорта, – он указал на план помещений у себя в журнале, – этот участок располагался ровно под стулом, где вы нашли Георга Мэдсена с гвоздем в черепе. Там, где вас застигли врасплох.

Карл выпрямился. Как ни крути, день получился напряженный. Было очевидно, что впереди их ждут сотни часов исследовательской работы и перелопачивания фактов, о которых Карл предпочел бы забыть. Будь его воля, он бы немедленно исчез отсюда. Махнул на площадку для гриля близ Каstrupа и умял бы пару жареных колбасок с хлебом и кетчупом. В тишине и спокойствии выждал бы три-четыре часа, а потом бы отправился домой и переделся, чтобы успеть к Моне на жареного гуся.

Плуг уставился на него так, словно прочитал мысли.

– Ладно, – выдавил из себя Мёрк. – Значит, нам известно, что бедолагу убили где-то в другом месте и, вероятно, похоронили под полом гостиной Георга Мэдсена при полной осведомленности последнего. Каких же подробностей нам не хватает?

Карл почесал щеку и ответил себе сам:

– Ах да. Нам неизвестно, кто убийца, и мы не знаем причины преступления? Какая ерунда! Ты ведь запросто справишься с этими вопросами, Плуг, не так ли? – проворчал он, ощущая, что дискомфорт только укрепляет свои позиции.

Здесь, на этом черном участке земли, он едва не распрощался с жизнью всего пару лет назад. Именно отсюда врачи «скорой» вынесли труп Анкера и искалеченное тело Харди. Здесь Карл предал своих друзей и лежал парализованный на полу, похожий на испуганное животное, в то время как вершилась короткая расправа над его товарищами. И когда этот ящик буквально через мгновение окажется в руках судмедэкспертов, все материальные свидетельства о тех событиях будут стерты с лица земли. Все – и хорошие, и плохие. Разом.

– Скорей всего, Георг Мэдсен знал о том, что должно произойти, однако, если захоронение трупа должно было послужить ему предупреждением, можно с большой долей уверенности сказать, что он не прислушался к угрозе.

Карл устремил взгляд мимо Маркуса Якобсена – на открытый ящик.

Череп лежал боком на одном из черных мешков для мусора. В них были упакованы другие части тела. Судя по размерам черепа, отметинам на челюсти и переломанной сросшейся переносице, речь шла не просто о мужчине, а о человеке, прошедшем через многое. И вот теперь он лежал перед ними, беззубый, с разложившимся скальпом, так что волосы почти все облезли, а сквозь склизкую массу гнили виднелся пронзивший голову крупный оцинкованный гвоздь. Гвоздь, видимо схожий с теми, что обнаружили в голове Георга Мэдсена и двух механиков из автомастерской на Сорё.

Шеф отдела по расследованию убийств снял защитный костюм и кивнул фотографам.

– Через пару часов мы изучим ящик в судмедэкспертизе, после чего станет ясно, можно ли зацепиться за что-то, чтобы установить личность убитого, – подытожил он, направляясь к своему автомобилю, припаркованному неподалеку на гравийной дорожке. – Плуг, ты пишешь отчет! – крикнул он напоследок.

Карл отступил на пару метров и попытался отогнать от себя трупный запах, глубоко втянув дым чадающей трубки Плуга.

– С какой целью меня сюда затащили, Терье? – спросил он. – Ты хотел посмотреть, сорвусь ли я?

Плуг отреагировал на вопрос мрачным взглядом. Ему явно было абсолютно наплевать, сорвется Карл или нет.

– Насколько я помню, соседний барак находится довольно близко, – сказал он, указывая в направлении еще одного пустыря. – Наверняка сосед должен был видеть или слышать, как в соседнюю постройку втаскивали такой большой ящик, а потом еще и принялись выпиливать циркулярной пилой дыру в полу жилища Георга Мэдсена, как думаешь? Ты не помнишь, что сосед говорил по этому поводу?

Карл улыбнулся:

– Дорогой Плуг. Во-первых, сосед мог проживать там в течение всего десяти дней к моменту убийства Георга Мэдсена и не знать этого человека. Насколько я и технические специалисты можем судить по зловонным останкам, труп пролежал под землей не менее пяти лет, то есть в течение трех лет до убийства Георга Мэдсена, – и с какого рожна соседу знать что-то об этом? И вообще, разве не ты отвечал за расследование, после того как меня отправили в больницу? Ты сам беседовал с соседом?

– Нет, мужчина свалился с сердечным приступом чуть позже в тот же день и умер неподалеку на тротуаре, когда мы собирались уезжать. Видимо, убийство и все связанные с этим обстоятельства, равно как и присутствие кучи полицейских, слишком сильно потрясли его.

Карл покачал головой. Вот как! Получается, не так уж мало жизней на совести этого ублюдка со строительным пистолетом...

– Ты, кажется, не в курсе. – Плуг вытащил из заднего кармана записную книжку. – Видимо, ты также не знаешь о том, что в последнее время мы получили информацию о целом ряде схожих убийств в Нидерландах. В мае и сентябре прошлого года в Шидаме, одном из районов многоэтажек поблизости от Роттердама, были обнаружены двое мужчин, также приконченных с помощью гвоздезабивателя. Нам прислали множество фотографий оттуда.

Он раскрыл папку и указал на снимки двух мужских черепов. В это время двое полицейских натягивали оградительную ленту вокруг места находки.

– В их виски были засажены девяностомиллиметровые гвозди «Паслод», как и в головы жертв, обнаруженных здесь, в Зеландии. Сегодня я пришлю тебе копии материалов. Пора мне вернуться к работе. Скоро ожидается рапорт из судмедэкспертизы.

«Ладно, – подумал Карл, – мозгам Харди будет над чем потрудиться».

Он обнаружил Лизу у кабинета Розы. Сложив на груди руки, она поддакивала Розиным мыслям вслух о мире в целом и о жизни в подвале в частности. До него донеслись фрагменты фраз про «кошмарные условия», «ужасное настроение коллег» и «забавные манеры шефа», и Карл был абсолютно согласен со всем, пока до него не дошло, что Роза говорит о нем самом.

– Кх-кх, – откашлялся он в надежде, что это одернет Розу, но она не удостоила его даже взглядом.

– Чудо Господне собственной персоной, – бесцеремонно заявила она, протягивая ему какие-то бумаги. – Взгляни-ка на заметки, которые я сделала, изучая дело Риты Нильсен, и поблагодари судьбу за то, что в этой дыре еще остались сотрудники, выполняющие свои обязанности, пока кое-кто другой прохлаждается где-то под открытым небом.

О боже. Вот, значит, до чего дошло? То есть скоро опять объявится ее близняшка Ирса...

– Ты поднимался вверх и искал меня, – сказала Лиза, когда Роза скрылась в кабинете.

– Я тщетно пытался найти своего кузена Ронни и подумал, что...

– А, вот в чем дело. – На секунду она не смогла скрыть разочарования. – Бак в двух словах рассказал нам, что там за история. Я сделаю все, что смогу.

Лиза одарила его ядовитой улыбкой и прошествовала к архиву.

– погоди минуту, Лиза, – остановил ее Карл. – Что за чертовщина стряслась у вас там с Сёренсен? Она вдруг стала такой... да, я чуть было не сказал доброжелательной.

– Она пошла на НЛП-курсы.

– НЛП-курсы? Что за...

В этот момент у Карла зазвонил мобильник. «Мортен Холланд», – оповестил дисплей. Какого черта понадобилось его квартиранту именно сейчас?

– Да, Мортен, – сказал он, кивнув Лизе.

– Я не помешал? – осторожно спросил звонящий.

– Разве айсберг помешал «Титанику»? А может, Брут помешал Цезарю? Выкладывай, что случилось? Что-то с Харди?

– Ну, в некотором смысле. Вообще-то, с «Титаником» вышло неплохо, ха-ха! Но Харди хотел бы с тобой поговорить.

Он услышал, как трубка приблизилась к подушке Харди. У Мортена и Харди появилась одна дурная привычка. Прежде Харди было вполне достаточно вечерних бесед с Карлом, когда тот приходил с работы и присаживался на край кровати, но теперь Харди перестало это устраивать.

– Слышишь меня? – Карл отчетливо увидел перед собой крупного бородатого мужчину, пока Мортен держал телефонную трубку у уха Харди.

Полуприкрытые глаза, морщины на лбу и пересохшие губы. В голосе ощущалось скрытое волнение. Значит, уже поговорил с Терье Плугом.

– Звонил Плуг, – сказал он. – Ты ведь уже знаешь, о чем идет речь, правда?

– Да.

– Хорошо, так и о чем же идет речь?

– Речь идет о том, что люди, подстрелившие нас, – хладнокровные убийцы и насилием и властью они пытаются удерживать порядок в собственных рядах.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду другое.

Дальше последовала пауза. Не из приятных. Из тех, что обычно предвещают стычку.

– Знаешь, что я думаю? Я считаю, что Анкер был по уши вовлечен в это дерьмо. Он знал, что в бараке находится труп, еще до того, как мы туда отправились.

– Ага. И на чем строятся твои догадки, Харди?

– Я просто чувствую. Он во многих отношениях изменился в тот период. Начал тратить больше денег, поменялся в личном плане... И все пошло не так.

– Что ты имеешь в виду?

– Он ходил к соседу, чтобы допросить его, до того, как мы вошли в дом Георга Мэдсена. Однако каким образом мы могли знать заранее, что обнаружим там тело?

– Ведь именно сосед обратился в полицию.

– Карл, черт возьми! Сколько раз прежде случалось, что подобные обращения на проверку оказывались вызваны убийством животных или просто неверно воспринятыми звуками радио или телевизора? Анкер всегда проверял, не ложная ли тревога, прежде чем запускать расследование. Но только не в тот день.

– Почему ты рассказываешь мне об этом сейчас? Мог бы и раньше поделиться со мной своими мыслями.

– Помнишь, мы с Минной приютили Анкера, когда его вышвырнула жена?

– Нет.

– Это был недолгий период, но парень явно влип по полной. Он нюхал кокаин.

– Да, я узнал об этом, когда мне рассказал тот вонючка Крис, психолог, которого натравила на меня Мона. Но тогда я не знал.

– Он принимал участие в драке однажды вечером, когда выбрался в город. На его одежде была кровь.

– И?..

– Много крови. И потом он выбросил испачканную одежду.

– И теперь ты усмотрел взаимосвязь между обнаруженным сегодня трупом и данным эпизодом?

Снова последовала длинная пауза. Харди слыл одним из лучших сыщиков, когда еще был в силе. «Знание и интуиция» – так он объяснял сам. Дьявольская интуиция.

– Харди, посмотрим, что скажет вскрытие.

– У черепа из ящика не было зубов, да?

– Да.

– И труп почти разложился?

– Что-то в таком роде. Не то чтобы совсем в жижу, но почти.

– Значит, мы так и не узнаем имя убитого.

– Ну, что ж поделать, Харди.

– Ты можешь так говорить, Карл, ведь не ты лежишь с трубкой в кишечнике и пялишься в потолок изо дня в день, правда? Если Анкер был замешан в преступлении, то отчасти и он виноват в том, что я здесь валяюсь. Поэтому я позвонил тебе, Карл. Так что теперь не спускай глаз с этого гребаного дела. И если Плуг будет тянуть резину, пообещай своему прежнему соратнику, что надерешь ему уши, слышишь?

Когда Мортен Холланд извинился и прервал телефонный разговор, Карл обнаружил, что сидит на краю своего кресла с Розиными бумагами на коленях. Каким образом он очутился в своем кабинете, у него не было ни малейшего предположения.

Мёрк закрыл глаза и попытался представить себе Анкера. Черты лица бывшего коллеги уже почти стерлись из памяти.

Как же теперь вспомнить зрачки Анкера, ноздри, интонацию и все остальное, напоминавшее о том, что сослуживец злоупотреблял кокаином?

8

Ноябрь 2010 года

– Ты уже взглянул на пометки Розы, сделанные ею по поводу дела Риты Нильсен?

Карл поднял голову и едва сдержался от смеха. Перед ним стоял Асад и махал небольшой стопкой бумаг. Очевидно, он нашел средство от насморка, ибо из ноздрей у него торчало по большому ключку ваты. Поэтому его довольно забавный акцент стал еще забавней.

– Какие пометки, где? – спросил Карл, подавив улыбку.

– В деле о женщине, пропавшей в Копенгагене. Хозяйке борделя Рите Нильсен. – Асад бросил на стол стопку фотокопий. – Роза собирается сейчас сделать пару звонков, а мы пока должны просмотреть вот это, – так она сказала.

Мёрк взял копии и показал пальцем на тампоны:

– Если ты сейчас же не вытащишь затычки, я не смогу сосредоточиться.

– Тогда у меня потекут сопли, Карл.

– Пускай текут. Главное – чтобы на пол. – Он удовлетворенно кивнул, когда ватные тампоны очутились в мусорном ведре, и посмотрел на бумаги. – Какие пометки?

Асад наклонился к нему и пролистал несколько страниц вперед.

– Вот, – показал он на многочисленные строки, выделенные красным цветом.

Карл пробежал страницу глазами. Там описывалось проведенное полицией исследование состояния обнаруженного «мерседеса» Риты Нильсен, а пометки Розы относились к нескольким предметам, найденным в бардачке. Путеводитель «Поездка по Северной Италии», несколько пастилок «Лакерол», пачка бумажных носовых платков, пара брошюр о Флоренции и, наконец, четыре кассеты Мадонны.

«Очевидно, в то время Мадонну сложно было сбыть в воровской среде Нёрребро», – подумал Карл и заметил, что Роза выделила дополнительной жирной чертой слова: «Футляр от альбома „Кто эта девушка?“ найден без содержимого». «Занятная формулировка», – подумал Карл. «Найден без содержимого»... Такая фраза допускала различные толкования.

– Ладушки, – наконец изрек он. – Действительно сенсационная новость, Асад. Обнаружена кассета Мадонны без содержимого. Ну что, проинформируем прессу?

Сириец непонимающе посмотрел на него:

– Там, на следующей странице, тоже кое-что есть. Да, страницы лежат слегка в обратном порядке...

Он указал на еще несколько пометок. На этот раз речь шла о телефонном сообщении от 6 сентября 1987 года о пропаже Риты Нильсен. Принято от Лоны Расмуссен из Кольдинга, которая у нее работала – отвечала на телефонные звонки и принимала заказы на девушек по вызову. Она была удивлена тому, что хозяйка не вернулась в Кольдинг в субботу, как планировалось. Ниже отмечалось, что Лону хорошо знали в полиции благодаря ее связям с проститутками и наркодилерами.

Фраза, выделенная в этом фрагменте, гласила: «По свидетельству Лоны Расмуссен, на воскресенье у Риты Нильсен было запланировано что-то важное, поскольку тот день и несколько последующих были перечеркнуты косыми красными линиями в ее ежедневнике, находившемся в массажной клинике, „проститутской конторе“, как ее называет Лона».

– О'кей, – многозначительно произнес Карл, продолжая читать документ. – Значит, у Риты Нильсен были запланированы какие-то встречи на дни, последовавшие за ее исчезновением. Причем следствие проверило эти сведения и не смогло установить, с кем женщина хотела встретиться.

– Мне кажется, сейчас Роза пытается найти Лону Расмуссен, – прогнусавил Асад.

Карл вздохнул. Все произошло двадцать три года тому назад. Судя по номеру страхового свидетельства Лоны, ей сейчас должно быть семьдесят с лишним – довольно солидный возраст для дамы с таким прошлым. Даже если, хотя и маловероятно, старуха все еще жива, чем она может помочь спустя столько лет?

– Смотри, Карл. – Асад снова перевернул страницу и прочитал еще одно предложение, немного невнятно из-за соплей. – «При обыске квартиры Риты Нильсен на десятый день после ее исчезновения обнаружили кошку, настолько ослабленную, что пришлось прибегнуть к ее усыплению».

– Какой ужас, – прокомментировал Карл.

– Да, и вот еще. – Асад указал на нижнюю часть страницы. – «Ничто из найденного не свидетельствует о преступлении; в личных бумагах, дневниках и прочем не обнаружилось никаких указаний на серьезный кризис. Жилище Риты Нильсен произвело впечатление аккуратного, однако оно несколько несерьезно обставлено для ее солидного возраста: множество безделушек, чересчур большое количество фотографий Мадонны, вставленных в рамки. В целом ничто не говорит о возможности самоубийства и уж тем более убийства».

И вновь Роза выделила жирным одну фразу: «Большое количество фотографий Мадонны, вставленных в рамки».

Почему акцент именно на этом? Карл вытер нос. Неужели и у него грипп? Да нет, вроде ничего нету... Черт возьми, нельзя простужаться. Ведь Мона ждет...

– Не знаю, почему Роза считает, что все, связанное с Мадонной, так важно, – сказал он. – Но вот трагедия с кошкой любого заставит задуматься.

Асад кивнул. Легенды о незамужних женщинах и их домашних питомцах определенно нельзя считать преувеличением. Если у тебя есть кошка, ты позаботишься о ней, прежде чем предпринять столь решительный шаг, как самоубийство. Или заберешь ее с собой, или заранеестроишь животное в хорошие руки.

– Я надеюсь, наши коллеги из Кольдинга задумывались об этом, – заметил он, однако Асад покачал головой.

– Нет. Согласно официальной гипотезе, она, вероятно, покончила жизнь самоубийством, подавшись внезапному порыву, – буркнул он.

Карл кивнул. Конечно, и такое возможно. Ведь она находилась вдали от своего дома и кошки. Всякое может случиться...

Голос Розы прогремел по коридору:

– Идите-ка сюда оба. И побыстрее!

Какого лешего?! Женщина, кажется, начала командовать ими... Может, хватит уже укачивать, какими делами им заниматься? Если она собирается постоянно говорить в таком тоне, то следует дать ей отпор. Пусть эта тупица вновь впадет в депрессию и превратится в Ирсу. Пускай «близняшка» Розы не столь находчива, полной дубиной ее тоже не назовешь.

– Идем, Карл, – сказал Асад и потянул его к двери.

Видимо, он был выдрессирован лучше.

Роза стояла посреди своего кабинета, во всем черном с ног до головы, как трубочист, и держала в руке телефонную трубку, абсолютно безразличная к прищуренному порицающему взгляду Карла.

– На связи Лона Расмуссен, – прошептала она. – Вам необходимо слышать, что она расскажет. Объяснения позже.

Затем Роза положила трубку на стол и включила громкую связь.

– Ну вот, Лона, теперь ко мне пришли мой шеф, Карл Мёрк, и его помощник, – произнесла она. – Не могли бы вы повторить свой рассказ?

Ну ладно, хоть назвала его шефом. Значит, все-таки в курсе, за кем решающее слово в их отделе, и то хорошо. Карл одобрительно кивнул ей. Несмотря ни на что, Розе удалось связаться с Лоной Расмуссен. Совсем недурно.

– Да-а, – протяжно прозвучало из телефона.

Унылый хриплый голос, как у закоренелых наркоманов. Впрочем, не такой уж и старческий. Просто очень севший.

– Вы меня слышите?

Роза подтвердила.

– Так вот, я только сказала, что она обожала свою дурацкую кошку, и одна из шлюх – не помню точно, как ее звали, – однажды должна была присмотреть за ней, но забыла. Рита адски разобиделась на нее. Когда Рита уезжала надолго, я кормила животное какими-то консервами, но, если она покидала дом на день-два, кошка оставалась одна. Ну да, она слегка засирала все вокруг, а хозяйка потом все убирала.

– То есть вы утверждаете, что Нильсен никогда не оставляла свою любимицу, не найдя кого-то, кто бы позаботился о ней? – подсказала Роза.

– Вот именно! Тут кроется странность. Я понятия не имела о том, что кошка находится в квартире, к тому же у меня не было ключа. Хозяйка не дала мне никаких указаний, иначе я знала бы о том, что бедное существо умирает с голоду, понимаете?

– Да, Лона, понимаем. Но еще одна вещь, которую вы мне раньше сказали, – не повторите ее еще разок? Что касается Мадонны.

– Она тащила от нее. Действительно ее обожала.

– Вы сказали, что Рита была в нее влюблена.

– Да, черт возьми. Она предпочитала об этом не говорить, но мы все об этом знали.

– То есть Рита Нильсен была лесбиянкой? – вмешался Карл.

– Ого, я слышу мужской голос, – хрипло усмехнулась она. – Ну, Рита трахалась со всем, что способно ползать и ходить. – Тут она резко прервалась, и в строгом Розином кабинете раздалась звуки, исходящие от человека, пытающегося утолить бездонную жажду. – Если хотите знать мое мнение, думаю, она никогда никому не отказывала, – продолжила Лона через пару очередных глотков. – Если только тогда, когда делала это за деньги, а у бедняка, или кто бы там ни был, не оказывалось ни гроша.

– Так вы не считаете, что Рита совершила самоубийство? – продолжил опрос Карл.

В ответ последовал долгий сиплый приступ смеха, вылившийся во фразу:

– Дьявол с вами. Конечно нет.

– И у вас нет никаких предположений относительно того, что могло произойти?

– Понятия не имею. Странно все это. Но скорее всего, что-то, связанное с деньгами, хотя на счету у нее было полно, когда суд по правам наследства наконец-то освободил жилье. Да уж, кажется, прошло проклятых восемь лет...

– Она завещала все свои средства и квартиру организации «Защита кошек», верно? – вставила Роза.

«Опять про кошек, – подумал Карл. – Нет, эта женщина не позволила бы своей кошке умереть с голоду».

– Да, правда. Я бы не отказалась воспользоваться парой миллионов из тех средств, – прозвучало чуть более приглушенно на другом конце провода.

– Ладно, – сказал Карл. – Обрисуем ситуацию. Рита отправилась в Копенгаген в пятницу, и у вас сложилось впечатление, что уже в субботу она вернется. Поэтому вам не нужно было присматривать за ее кошкой. Затем вы решили, что она переночевала в ночь с субботы на воскресенье у себя дома в Кольдинге. Позже Рита так и не появилась. Возможно, вы должны были ухаживать за кошкой, но не знали наверняка, находится ли животное в квартире, так?

– Да, что-то в таком роде.

– А прежде случалось нечто подобное?

– Бывало. Она любила отлучаться на несколько дней. Ездила в Лондон или еще куда. Ходила на какие-нибудь мюзиклы, ей это нравилось. Кто бы мог подумать, верно? Но ведь она могла себе позволить...

Последние фразы были совсем нечеткими, и Асад сосредоточился, прикрыв глаза, словно его атаковала песчаная буря. Однако Карл прекрасно все слышал.

– Еще одна простая вещь. В Копенгагене, в последний день, когда ее видели, Рита купила сигареты по кредитной карте. Вы не знаете, почему она не купила их за наличные? Сумма довольно маленькая...

Лона Расмуссен рассмеялась:

– Как-то раз налоговый инспектор обнаружил у нее дома в ящике сто тысяч крон. Она не смогла объяснить, откуда у нее такие деньги. Можете себе представить, что было потом. С тех пор все ее деньги переместились в банк, и она никогда не снимала оттуда ни единой лишней кроны. Все покупалось по кредитной карте или по карте «Дайнерс клуб»⁷. Существовало много магазинов, где Рита не могла этого сделать, но она просто от них отказалась. Ей не хотелось вновь попасться. И она не попалась.

– Хорошо, – ответил Карл. – Значит, тут все в порядке. Жаль, что вам не достались ее деньги, – посочувствовал он, причем вполне искренне.

Карл подумал, что Лона может умереть в любой момент.

– Да, но мне досталась ее мебель и все, что было в квартире, так как «Защита кошек» не пожелала это все забирать. И для меня это было как нельзя кстати, так как мои собственные вещи представляли собой сплошную рухлядь.

Мёрк вообразил себе обстановку ее квартиры.

Затем полицейские поблагодарили собеседницу и прервали соединение. «Я всегда с радостью отвечу на любые вопросы», – заверила Лона в конце разговора.

Карл кивнул. Значит, в ее жизни происходит мало интересного.

Роза одарила Карла и Асада долгим взглядом, убедившись, что они все поняли. Стоящее дело, и его надлежало основательно расследовать.

– Роза, что еще? – спросил Карл. – Выкладывай.

– Ты ведь не такой уж знаток Мадонны? – ответила она вопросом на вопрос.

Карл на мгновение устало посмотрел на нее. Молодым девушкам, таким как Роза, очевидно, кажется, что, едва перевалив за тридцатник, человек становится весьма ограниченным, а как только ему исполняется сорок, уже стареет. Почему же они, черт возьми, перестают адекватно воспринимать человека после пятидесяти, шестидесяти и так далее?

Мёрк пожал плечами. Несмотря на возраст, естественно, он знал о Мадонне многое. Но Розе совсем не следует рассказывать, как одна из подружек доводила его песней «Меркантильная девушка» или как перед ним танцевала голая Вигта, эротично крутя бедрами и напевая: «Папа, не надо наставлений, у меня большие проблемы, папа, не надо наставлений, я потеряла сон». Определенно, такие эпизоды своей жизни не хочется раскрывать кому бы то ни было.

– Ну, кое-что я знаю, – возразил Карл. – Она, кажется, ударилась в религию в последнее время?

Роза совсем не казалась впечатленной.

– Рита Нильсен основала свой центр с девушками по вызову и массажную клинику в Кольдинге в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году и называла себя Луизой Чикконе, представляясь так в местных значных местах. Тебе о чем-то это говорит?

Асад поднял указательный палец:

⁷ «Дайнерс клуб» – первая в мире независимая компания, которая стала работать с кредитными картами, ориентированными в первую очередь на оплату путешествий и развлечений.

– Чикконе, я пробовал. Это паста с мясом, да?

Роза бросила на него негодующий взгляд:

– Настоящее имя Мадонны – Луиза Чикконе. Лона Расмуссен рассказала мне, что в массажной клинике звучали исключительно ее пластинки и что Рита Нильсен всегда пыталась копировать прическу и макияж Мадонны. В момент исчезновения у нее были выщипанные обесцвеченные волосы, вдохновленные прической Мэрилин Монро, как у Мадонны во время турне с программой «Кто эта девушка?». Смотрите сами!

Она кликнула мышкой, и на мониторе возникло в высшей степени пикантное фото Мадонны в ажурных чулках и облегающем черном трико. В расслабленной руке она непринужденно держала микрофон. Модный макияж эпохи 1980-х, темные брови, осветленные волосы. Да уж, Мёрк прекрасно помнил. Словно это было вчера. А ведь прошла целая эпоха...

– Точь-в-точь так она и выглядела, уверила меня Лона Расмуссен. Темные тени для век и кроваво-красные губы. Такова была Рита Нильсен, когда пропала. Немолодая, скорее молодящаяся, и тем не менее на нее приятно было смотреть, так она сказала.

– У-ух! – промолвил Асад, только это он и смог выговорить, зато метко и кратко.

– Я знаю содержимое бардачка в автомобиле Риты, – продолжала Роза. – У нее были все альбомы Мадонны на кассетах. В том числе и саундтрек к «Кто эта девушка?», несмотря на то что сама кассета отсутствовала, потому что, скорее всего, она находилась в украденной магнитоле. Да еще брошюры о Флоренции и «Поездка по Северной Италии». Все эти предметы настолько согласуются друг с другом, что мне пришла в голову одна мысль. Взгляните.

Она кликнула по иконке на рабочем столе, и перед ними вновь замаячила фотография Мадонны. Точно такая же, если не считать целого ряда дат, в виде перечня размещенных внизу странички, и Роза указала на них.

– Четырнадцатое и пятнадцатое июня, стадион «Нишиномия», Осака, Япония, – вслух прочитал Асад.

Более японское произношение сложно было представить. Просто адское.

– Да, согласно источникам, стадион называется «Нишиномия», но это не столь важно, – надменно заметила Роза. – Взгляните в самый низ списка, там вся суть.

Карл услышал, как Асад вновь прочитал вслух:

– Шестое сентября, стадион «Комунале», Флоренция, Италия.

– Ладно, – сказал Карл. – И в каком это году? Предположу, что в восемьдесят седьмом?

Она кивнула:

– Да, то самое воскресенье, которое в календаре Риты Нильсен было выделено красными косыми линиями. Если вам интересно мое мнение, скажу, что она собиралась побывать на концерте Мадонны, завершающем ее турне «Кто эта девушка?». Я более чем уверена. Рита торопилась домой из Копенгагена, чтобы собраться и отправиться на выступление своего идола во Флоренции.

Асад и Карл переглянулись. Брошюры, ситуация с кошкой, увлечение певицей – все сходилось.

– А мы можем проверить, заказывала ли она билеты на самолет из Биллуна на шестое сентября восемьдесят седьмого года?

Она взглянула на него с разочарованием:

– Уже пробовала – настолько устаревшие данные у них в системе не хранятся. В квартире тоже не удалось ничего найти, так что можно предположить, что билеты на самолет и билет на концерт были у нее при себе в момент исчезновения.

– Значит, вряд ли мы имеем дело с самоубийством, – кратко заметил Карл, легонько похлопывая Розу по плечу.

Мёрк читал заметки Розы о Рите. Очевидно, для Розы было относительно легкой задачей проследить былые заслуги Риты Нильсен. С самого детства эта женщина находилась под бди-

тельным наблюдением со стороны властей, настроенных по отношению к ней более чем настороженно. Вовлечены были все учреждения без исключения. Органы попечительства, органы надзора за психически нездоровыми гражданами, полиция, система здравоохранения и пенитенциарная система. Родилась 1 апреля 1935 года у проститутки, продолжившей свои уличные похождения, пока дочь воспитывалась какими-то родственниками из представителей низов общества. Магазинное воровство в пять лет, мелкие преступления на протяжении всего шестилетнего образования. Учебно-исправительное заведение, дом для трудных девушек-подростков, вновь криминальная среда. Впервые привлечена к ответственности в возрасте пятнадцати лет, в семнадцать забеременела, затем последовал аборт и переход под надзор за социально неблагополучными гражданами и лицами, страдающими психическими отклонениями. К тому моменту о ее семье давным-давно ничего не было слышно.

Спустя небольшой период нахождения на попечительстве вновь занялась проституцией и даже провела какое-то время в «келлерском учреждении» в Брайнинге. Поставлен диагноз – легкая степень слабоумия. После нескольких попыток бегства и неоднократных эпизодов насилия помещалась в женский дом на Спрогё, с 1955 по 1961 год. Еще одна попытка семейного попечения, однако после серии преступлений Рита исчезла из поля зрения властей с лета 1963 года вплоть до середины 1970-х, когда она, видимо, зарабатывала в качестве танцовщицы в крупных европейских городах.

Затем женщина создала массажную клинику в Ольборге и дом терпимости и тем самым избавилась от финансовых проблем. По всей видимости, Рита кое-чему научилась, ибо ей удалось сколотить состояние на бордельном бизнесе и содержании девушек по вызову без особого вмешательства властей. Она платила налоги и оставила после себя наследство – три с половиной миллиона крон. В пересчете на современные деньги сумму можно увеличить втрое.

Карл задумался, читая эти сведения. Если Рита Нильсен была слабоумной, то он знал еще по крайней мере несколько человек, которых можно было бы так обозвать. Тут он угодил локтем в лужу на своем столе и обнаружил, что у него капает из носа.

– Проклятие! – воскликнул Мёрк, запрокидывая голову и пытаясь нащупать пальцами предмет, в который можно было бы высморкаться.

Спустя две минуты он вышел в коридор, помешав Розе и Асаду. Они занимались прикреплением ксерокопий актов по делу Риты к меньшей из двух настенных досок.

Карл взглянул на вторую доску, простирающуюся от закутка Асада до самого кабинета Розы. На ней располагалось по одному листу бумаги на каждое нераскрытое дело, доставленное к ним с момента создания отдела «Q». Многие дела были соединены друг с другом в хронологическом порядке цветными ленточками, что указывало на возможную связь между ними. Эту довольно простую систему придумал Асад. Синие ленты – между делами, в которых, по его мнению, обнаруживалось нечто общее; красно-белые ленты – между делами, действительно связанными друг с другом.

В настоящий момент на доске было представлено несколько синих лент, но ни одной красно-белой.

Несомненно, Асад старался исправить такое положение вещей.

Карл скользнул взглядом по всем делам. По меньшей мере сотня листов. Всякая всячина, в том числе полно материалов, которым вообще тут не место. Это было все равно что найти в стоге сена иголку и нитку, а затем пытаться вставить нитку в иголку в условиях кромешной темноты.

– Я пошел домой, – заявил он. – Видимо, я подцепил то же дерьмо, что у тебя, Асад, будь оно неладно. Если вы намерены оставаться тут и дальше, думаю, вам стоит запросить газеты за тот период, когда исчезла Рита Нильсен. Предлагаю заняться временным отрезком с четвертого по пятнадцатое сентября восьмидесят седьмого года. Посмотрим, что тогда происходило, а то я уже ни хрена не помню.

Роза стояла, покачивая бедрами.

– Может, ты рассчитываешь, что мы сейчас молниеносно докопаемся до чего-то, что не смогли раскопать в свое время полицейские в ходе кропотливой работы?

Она употребила слово «кропотливый». Забавно звучит из молодых уст.

– Не-а. Я рассчитываю на то, что сейчас проведу несколько часов у себя в кровати, а потом отведаю жареного гуся.

С этими словами Мёрк вышел.

9

Август 1987 года

Мать всегда говорила Нэте, что у нее хорошие руки. Мать не сомневалась в том, что однажды Нэте получит признание именно благодаря ловкости своих рук. Наряду с умной головой, изящные руки являлись важнейшим инструментом, которым Бог одарил человека, и отец Нэте нашел им прекрасное применение, оставшись один с дочерью.

Когда падали столбы, держащие изгородь, именно Нэте поднимала их; она же сбивала кормушки, когда они приходили в негодность. Она сколачивала и разбирала вновь любые вещи, если в том была необходимость.

И именно умелые руки стали ее проклятием на Спрогё. Они стирались в кровь, едва поля начинали колоситься. Руки работали весь день напролет, взамен же Нэте не получала ничего. По крайней мере, ничего хорошего.

Затем настал благоприятный период, когда руки обрели покой, и вот теперь им снова приходилось трудиться.

Она аккуратно измерила заднюю комнату в квартире тем же сантиметром, каким пользовалась во время шитья. Метр за метром комната была размечена по длине, ширине и высоте. Оконные и дверной проемы были вычтены из общего метража. Она составила список. Инструменты, краска, штукатурка, силикон, рейки, гвозди, тяжелый пластик в рулонах, уплотнитель, стекловата, панели для пола, гипсокартон из расчета на двойное покрытие.

В строительном магазине на Рюэсгёде в Нёрребро Нэте пообещали доставить все необходимое на следующий день. Это ее более чем устраивало, ибо ждать она больше не могла.

А когда все доставили в квартиру, комната была тщательно изолирована. Нэте работала в дневные часы – пока сосед снизу был на работе, а сосед сбоку отправлялся за покупками или выгуливал вокруг озер свою маленькую тибетскую засирательницу ковров.

Никто не должен был слышать, чем Нэте занималась на пятом этаже в квартире слева. Никто не должен был видеть ее с молотком или пилой в руках. Никто не должен был задавать лишних вопросов, ибо она уже два года прожила в этой квартире анонимно и так рассчитывала прожить до самого конца своих дней.

Независимо от того, что она собиралась делать дальше.

Когда комната была наконец готова, Нэте с удовлетворением посмотрела на свою работу. Она помучилась, чтобы обшить потолок. Но это была самая важная часть работы, не считая дверей. Пол пришлось поднимать и прокладывать двойным слоем пластика и стекловаты. Она поправила дверь, чтобы можно было открывать ее внутрь, несмотря на то что на полу лежал ковер.

Пол в комнате теперь был несколько выше, чем в коридоре, но больше ничего не бросалось в глаза. Комната готова. Зашпаклеванная и свежеевыкрашенная, с толстым уплотнителем в дверной и оконных рамах, обставлена в точности так же, как и прежде. Картины на стенах, всякие безделушки на подоконниках; в центре, естественно, обеденный стол с кружевной скатертью и шесть стульев без подлокотников, помимо ее собственного – во главе стола.

Затем Нэте повернулась к растению, стоящему на подоконнике, и осторожно растерла один из листиков пальцами. Запах был резкий, но не сказать что неприятный. Именно он, запах белены, ассоциировался у нее с безопасностью.

* * *

Все девушки Спрогё перешептывались о Гитте Чарльз, когда та приплыла к ним на почтовой лодке в разгар лета 1956 года. Кто-то говорил, что она училась на медсестру, но дело обстояло совсем не так. Сиделка – возможно, но не медсестра, ибо, помимо директрисы, никто из персонала на острове не имел никакого образования, и Нэте это прекрасно знала.

Девушки шептались главным образом потому, что среди них наконец появилась красавица. Как кокетливо она поводила руками, как стремительно и широко шагала. Говорили, что Гитта похожа на Грету Гарбо. Она действительно была какой-то особенной. И уж точно отличалась от злобных престарелых сучек – старых дев, разведенков, вдов, вынужденных искать себе работу в качестве персонала в этом адском месте.

Гитта Чарльз была стройная, как струна, блондинка, в чем проявлялось ее сходство с Нэте, с красиво уложенной прической, приоткрывающей пушок на шее, чего не позволяла себе даже директриса. Женственная и живая, она воплощала в себе все, чего хотели достичь Нэте и многие другие девушки.

Да, все бросали завистливые, а некоторые даже и похотливые взгляды на Гитту, однако вскоре выяснилось, что за утонченной внешностью скрывается сущий дьявол. И девушки стали держаться от нее подальше. Все, кроме Риты.

Устав от общества Риты, Чарльз, как ее называли, обратила взгляд своих голубых очей на Нэте. Пообещала ей помощь в повседневной работе, покровительство, а также шанс выбраться с острова.

Весь вопрос заключался лишь в том, в какой степени Нэте окажется способной ублажить Чарльз. А если Нэте проболтается о том, как они вдвоем проводят время, то бедняжке придется перестать пить, ибо в любую жидкость может оказаться подмешана белена, – предупредила Гитта Чарльз.

Именно так Нэте узнала о белене и ее страшных свойствах.

– *Hyoscyamus niger*⁸, – произнесла Чарльз таинственно и протяжно, дабы подчеркнуть всю серьезность.

От одного лишь названия по спине Нэте поползли мурашки.

– Говорят, к ее помощи прибегали ведьмы, чтобы долететь до Брокена⁹, – продолжала она. – А когда женщин отлавливали, священники и палачи давали им настой из этой травы, чтобы притупить их чувства во время пыток. Поэтому белену называют ведьмовским зельем, так что тебе следует быть поаккуратнее с ней, я тебя предупреждаю. Не лучше ли подчиниться мне?

В результате Нэте попала в рабство на долгие месяцы – наиболее ужасные для нее за все время, проведенное на Спрогё.

Вглядываясь в море, она видела не только путь к свободе – морские волны могли утянуть ее на дно. Вниз, во тьму, где никто не найдет ее и не причинит боли.

Семена белены оказались единственным, что Нэте захватила с собой, когда наконец покинула остров Спрогё. Четыре года тяжких трудов и мучений, вот и все.

Много позже, уже получив диплом лаборанта, она услышала о раскопках, проведенных на месте некоего аббатства, где удалось обнаружить и вырастить семена белены, пролежавшие в земле сотни лет. Нэте немедленно посеяла в цветочный горшок семена, после чего поставила его на солнечное место.

⁸ Латинское название белены черной.

⁹ *Брокен* – гора в Германии, где, по легенде, собирались ведьмы на празднование Вальпургиевой ночи.

Вскоре из горшка, подобно птице феникс, вытянулось крепкое зеленое растение и кивнуло ей, как старый друг, который в течение долгого периода пребывал в отъезде, а теперь вновь вернулся.

Несколько лет растение возвышалось над землей Хавнгорда, а сейчас в горшке на подоконнике мансарды в Нёрребро рос уже потомок потомков того самого первого растения. Всех предшественников Нэте высушила и припрятала.

Это были реликвии из другого времени. Измельченные листья, стручки с семенами, высушенные стебли и скрюченные остатки того, что некогда представляло собой прекраснейшие белые цветы с темными прожилками и красным огоньком глазка в серединке. С этого растения Нэте собрала два мешка органического материала, и она точно знала, как его применить.

Возможно, в свое время именно белена со всеми ее скрытыми тайнами сподвигла Нэте выучиться на лаборанта. Возможно, именно это растение заставило ее с энтузиазмом взяться за изучение химии.

По крайней мере, получив расширенные знания о веществах и их действии на человеческий организм, Нэте вдруг поняла, насколько чудесный и убийственный инструмент природа взрастила на земле Спрогё.

После нескольких попыток ей наконец удалось изготовить настои из трех основных компонентов растения на собственной кухне на пятом этаже, а затем она испробовала действие веществ на себе в крайне маленьких, мягких дозах.

Гиосциамин привел к основательному запору и сухости во рту, вызвал легкие отеки на лице и в ротовой полости, а также несколько участил сердцебиение, но серьезного вреда здоровью не нанес.

Скополамина Нэте опасалась куда сильнее. Она знала, что всего пятьдесят миллиграммов этого вещества представляют собой смертельную дозировку. Даже в небольших дозах скополамин оказывает сильное снотворное действие и приводит к эйфорическим состояниям. Неудивительно, что во время Второй мировой войны его применяли в качестве сыворотки правды. Ведь в подобном наркотическом состоянии становится совершенно безразлично, что говорить и о чем думать.

И наконец, атропин. Такой же бесцветный кристаллический алкалоид, как и другие содержащиеся в растениях семейства пасленовых. Возможно, Нэте не была достаточно осторожна с приемом этого настоя: данное вещество вызвало нарушения зрения, сильное затруднение речи, лихорадку, покраснения и зуд кожи, а также галлюцинации, которые едва не привели ее в бессознательное состояние.

Несомненно, коктейль из трех таких компонентов является смертельным ядом, если добиться достаточно высокой концентрации. И Нэте знала, что достичь этого возможно путем заваривания смеси, похожей на крепкий чай, а затем выпаривания из настоя 95 % воды.

И вот она держит в руках большую бутылку с экстрактом опасного вещества; все окна в квартире запотели, и тяжелый воздух с ароматом горечи висит во всех помещениях.

Остается лишь подобрать правильную дозу для конкретного организма.

Нэте не включала компьютер своего мужа ровно с момента переезда. Да и к чему? Писать некому и не о чем. Ни счетов, ни деловой переписки. Нет нужды ни в каких вычислениях или редакции текстов. То время безвозвратно ушло.

Однако в тот четверг в августе 1987 года она включила компьютер. В теле покалывало, под ложечкой сосало. Нэте внимала шуму компьютерных вентиляторов и глядела на медленно пробуждающийся зеленый экран.

Как только письма были написаны и отправлены, пути для отступления не осталось. Цель жизни скоро будет достигнута. Этого она и желала.

Нэте написала несколько черновиков письма, которое намеревалась отправить. Окончательный вариант выглядел следующим образом:

Дорогой (ая)...

Прошло много лет с тех пор, как мы виделись в последний раз. С гордостью могу сказать, что жизнь моя сложилась наилучшим образом.

За этот период я много размышляла о своей судьбе и сделала вывод, что все произошло именно так, потому что иначе быть не могло. Впрочем, понимаю, что сама я – человек трудный.

А потому все бывшие поступки, чьи-то резкие слова и сложности в отношениях с кем-либо перестали терзать меня. Я прихожу в состояние чрезвычайного умиротворения, когда оглядываюсь назад и понимаю, что все закончилось, а теперь настало время примирения.

Как Вы, возможно, знаете из прессы, несколько лет я была замужем за Андреасом Росеном и оставшееся после него наследство превратило меня в довольно состоятельную женицину.

По воле судьбы я нахожусь под постоянным наблюдением врачей и, к сожалению, признана неизлечимо больной, в связи с чем времени у меня осталось не так уж много.

Поскольку по своей природе я не смогла оставить наследников, я решила поделиться своим изобилием с людьми, которых встретила на жизненном пути, независимо от сложностей в наших отношениях.

По этому случаю я хотела бы пригласить Вас к себе, адрес: Пейблинге Доссеринг, 32, Копенгаген, В ПЯТНИЦУ 4 СЕНТЯБРЯ 1987 ГОДА В... ЧАСОВ.

Там будет присутствовать мой адвокат. Он поможет перевести на Ваши счет десять миллионов крон. Конечно, Вам предстоит оплатить налоги с этого подарка, но обо всем позаботится адвокат, Вас это не должно беспокоить.

Уверена, что потом мы сможем побеседовать о нашей сумасбродной жизни. К сожалению, мое будущее мало что может мне предложить, но зато я смогу скрасить Ваше, и это доставит мне радость и обеспечит душевный покой.

Надеюсь, Вы здоровы, бодры и готовы к встрече со мной. Как я уже упомянула, буду чрезвычайно рада.

Понимаю, что срок очень короткий, но, какие бы планы на пятницу у Вас ни были, я уверена, что Вы найдете возможность приехать ко мне.

Прошу Вас принять данное приглашение и прибыть точно к назначенному часу, так как и у меня, и у моего адвоката в этот день предусмотрены еще другие дела и встречи.

К настоящему письму прилагаю чек на две тысячи крон в счет компенсации Ваших расходов на поездку.

С нетерпением жду встречи с Вами. Надеюсь, она будет способствовать нашему примирению и взаимному прощению.

С самыми добрыми пожеланиями,

Нэте Германсен

Копенгаген, четверг, 27 августа 1987 года

«Замечательное письмо», – подумала она и скопировала текст в шесть файлов, вписав в каждую копию имя и индивидуальное время, распечатала и подписала. Аккуратно, быстро и уверенно. Никто из этих шести людей никогда не видел у нее такой подписи.

Шесть писем. Курт Вад, Рита Нильсен, Гитта Чарльз, Таге Германсен, Вигго Могенсен и Филип Нёрвиг. В какой-то миг она захотела написать и двум своим братьям, которые еще

были живы, но затем отказалась от этого. Ведь тогда они были очень молоды и недостаточно хорошо знали ее. К тому же они были в море, когда все случилось, а Мэдс, их старший брат, уже умер. Нет, нельзя упрекать их.

Поэтому теперь перед ней лежало шесть конвертов. На самом деле их должно быть девять, но время распорядилось по-своему, и смерть трижды опередила ее собственную расправу.

Смерть забрала ее школьную учительницу, главного врача и директрису со Спрогё. Они втроем избежали расправы. Эти трое так запросто получили помилование. Им просто повезло. Ибо все они совершали несправедливые поступки и страшные ошибки, и притом каждый шел по жизни с незыблемой уверенностью в том, что делает все верно. Что его профессиональная деятельность приносит пользу не только обществу, но и тем несчастным, на которых направлена.

И именно это мучило Нэте. Не выразить словами, как сильно терзало.

* * *

– Нэте, выбирайся оттуда! – завопила учительница.

Увидев колебания девочки, она схватила ее за мочку уха и протащила вокруг всего школьного здания, так что пыль поднималась за ними столбом.

– Чертово чудовище. Глупый, неразумный ребенок, как ты смеешь? – заорала она и ударила Нэте по лицу костлявой рукой.

А когда девочка в слезах закричала, что не понимает, почему ее бьют, учительница ударила снова.

Нэте огляделась, лежа на земле: над ней нависло яростное лицо. Она подумала о том, что теперь у нее все платье в грязи и что отец расстроится, так как наверняка платье стоит недешево. Девочка пыталась отвлечься на яблоневые цветы, опадавшие с деревьев, на песню жаворонка, летевшего где-то в вышине, над всеми людьми, на беззаботный смех школьных товарищей, доносившийся с противоположной стороны школы.

– Все кончено, больше не хочу тебя знать, чумазное отродье, слышишь? Безбожная развратная потаскуха...

Однако Нэте не понимала ее. Она играла с мальчиками, и они попросили ее задрать платье, а когда она, рассмеявшись, послушалась их, представив тем самым на обозрение огромные розовые трусы, унаследованные от матери, они все вместе искренне расхохотались. И ведь действительно было забавно. Но ровно до того момента, пока не вмешалась сердитая учительница, так что все разбежались и осталась одна Нэте.

– Ах ты, маленькая шлюха! – закричала она, и Нэте прекрасно знала значение этого слова, а потому в очередной раз ответила, что никакая она не шлюха, а та, кто обвиняет ее в этом, сама и есть шлюха.

Тут-то учительница и пришла в ярость.

Именно поэтому она так сильно и ударила Нэте на задворках школы да вдобавок еще и швырнула ей в лицо гравием, а потом завопила, что отныне Нэте больше не является ученицей школы и что при случае учительница еще научит это ничтожество отвечать как положено. Судя по поведению девочки, повторяющемуся изо дня в день, она не заслуживает от жизни ничего хорошего. А все, что Нэте позволила себе, не исправить никогда во веки вечные. Она и сама убедится в этом.

Да так оно и оказалось.

10

Ноябрь 2010 года

Еще три с половиной часа, и он явится к Моне с гладко зачесанными волосами, в накрахмаленной рубашке, похожий на идеального мужчину, с каким женщине хочется провести ночь, полную страсти.

Паркуя служебный автомобиль у дома в Аллерёде, Карл уныло взглянул на свое серое лицо, отражающееся в зеркале заднего вида.

Сложно представить более невыполнимую задачу.

«Пара часиков в горизонтальном положении явно помогут», – подумал он за секунду до того, как заметил Терье Плуга, пересекавшего стоянку.

– Что там еще стряслось, Плуг? – крикнул Карл, вылезая из машины.

Тот пожал плечами:

– Да все то же дело о строительном пистолете. Мне необходимо было услышать версию Харди.

– Ты слышал ее не менее пяти раз.

– Да, но с продвижением этого дела у него могли появиться какие-нибудь свежие мысли.

Очевидно, Плуг что-то нарыл. Он был одним из самых дотошных сотрудников в управлении. Никто, кроме него, не потащился бы с радостью за тридцать пять километров только ради того, чтобы найти какую-нибудь небольшую зацепку.

– И они появились?

– Наверное.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду под словом «наверное»?

– Спроси у него сам. – С этими словами Терье отсалютовал двумя пальцами у виска.

Как только Мёрк вошел в дом, ему навстречу бросился Мортен Холланд. С таким постоянством было очень непросто проникнуть в дом незамеченным.

Мортен посмотрел на часы:

– Хорошо, что ты сегодня рано, Карл. Просто очень хорошо. У нас тут столько всего произошло... Я даже не уверен, что все запомнил.

Он запыхался, стараясь как можно быстрее выпалить короткие фразы. В данный момент Карлу это показалось абсолютно некстати.

– Давай поговорим с тобой позже, – произнес Мёрк.

Толстяк, не обратив внимания на слова Карла, продолжал своим неприятным голосом:

– Я целый час общался по телефону с Вигтой. Тут тоже полная неразбериха, позвони ей не откладывая.

Если Карл еще не заболел по-настоящему, то теперь уж заболеет наверняка. Может быть, его жена, с которой он уже несколько лет не живет вместе, окажет укрепляющее воздействие на его иммунную систему?

– И что она сказала? – устало поинтересовался он.

Мортен только отмахнулся. Пускай Карл сам все выясняет.

– Помимо того что приходил Терье Плуг, еще что-то случилось? – спросил Мёрк.

Лучше все узнать прежде, чем окончательно заболеть.

– Да, звонил Йеспер с подготовительных курсов. Говорит, у него украли бумажник.

Карл покачал головой. Что за пасынок! Почти три года проучился в гимназии Аллерёда – и вылетел оттуда как раз перед двумя выпускными экзаменами. Сплошные неудовлетворительные оценки. И вот теперь второй год учится на подготовительных курсах в Гентофте. Метания между летним домиком Вигги и таунхаусом Карла в Аллерёде, девушки у него меняются каж-

дые пару дней, нескончаемые вечеринки, шум и постоянные хлопоты... Но ничего не поделаешь.

– Сколько было денег в бумажнике? – поинтересовался Карл.

Мортен потупился. Неужели так много?

– Пускай сам выпутывается, – отрезал Мёрк и вошел в гостиную. – Привет, Харди, – тихо поздоровался он.

Возможно, хуже всего было то, что больничная койка оставалась неподвижной. Что его приветствовало лишь едва заметное шевеление простыни или из одеяла приподнималась рука, чтобы Карл мог ее пожать.

Он, по обыкновению, погладил своего парализованного товарища по лбу и заглянул в его голубые глаза, мечтавшие увидеть наконец любую другую обстановку.

– Смотришь новости DR, – констатировал Карл, кивнув на плоский экран в углу комнаты.

Уголки рта Харди опустились. А чем еще заниматься?

– Только что приходил Терье Плуг, – сказал он.

– Да, я встретил его на улице. Он намекнул, что у тебя есть кое-какие соображения по поводу дела, я правильно его понял? – Карл немного отступил, почувствовав, что в носу защекотало, но желание чихнуть ушло само собой. – Извини, я лучше буду держаться немного на расстоянии. Кажется, черт побери, я заболеваю. У нас в управлении почти все болеют.

Харди попытался улыбнуться. С некоторых пор он не желал высказывать свое мнение по поводу слова «болеть».

– Плуг чуть подробнее рассказал мне об обнаружении трупа.

– Да уж, тело в плачевном состоянии. Расчленено и сложено в небольшие пакеты для мусора. Естественно, процесс разложения был немного замедлен благодаря пакетам, и все же я бы назвал его сильно прогрессирующим.

– Плуг говорит, они нашли мешок поменьше, который, видимо, оказался в некоем подобии вакуума, – сказал Харди. – Предполагают, что в нем находился теплый воздух, быстро охладившийся. В любом случае мясо в нем сохранилось хорошо.

– Ну да. Тогда там с большой долей вероятности содержатся хорошие образцы ДНК. А значит, мы сможем чуть ближе подойти к разгадке. Думаю, нам с тобой это необходимо.

Харди посмотрел на него в упор:

– Я сказал Плогу, чтобы они попробовали установить, не принадлежит ли жертва иной этнической группе.

Карл склонил голову и почувствовал, как из носа вновь полилось.

– Откуда такое предположение?

– Анкер рассказывал, что подрался с каким-то гребаным иностранцем в тот вечер, когда пришел домой в перепачканной кровью одежде. В то время он жил у нас с Минной. И это не было похоже на одежду, испачканную в ходе драки, точно тебе говорю. По крайней мере, я драки с такими последствиями не видел в своей жизни!

– Но при чем тут дело о трупе в пакетах?

– Вот именно такой вопрос я и сам себе задаю. Но кажется, Анкер был не так прост. Мы с тобой это уже как-то обсуждали.

Карл кивнул:

– Вчера обсуждали, Харди. Сейчас мне нужно отправиться в постель и прикорнуть на пару часиков, дабы чувствовать себя лучше. Вечером я иду к Моне на жареного гуся с сюрпризом, так она сказала.

– Отлично проведешь время, – произнес Харди.

И голос его дрогнул.

Карл тяжело опустился на кровать и задумался о «шляпном» лечении. К этому лечению прибегал его отец, когда тому нездоровилось.

«Ложись на кровать, – говорил он. – Повесь шляпу с одной стороны изножья и время от времени прикладывайся к бутылке спиртного; бутылка непременно должна стоять на прикроватном столике. Пей до тех пор, пока не увидишь по шляпе с обеих сторон изножья. Гарантирую, что на следующее утро ты будешь абсолютно здоров – либо тебе уже ничего не поможет».

Да, лечение действительно всегда срабатывало – но если через два часа предстоит садиться за руль? Но если он не хочет, чтобы от него несло спиртным? Ибо, конечно же, вряд ли Мона будет прыгать от счастья, увидев его в подобном состоянии.

Он пару раз вздохнул и пожалел себя. Затем потянулся за бутылкой виски «Талламор Дью» и сделал пару глотков. Хуже не будет.

Затем набрал номер Вигги, тяжело вздохнул и принялся ждать затаив дыхание. Обычно это оказывало успокаивающее действие.

– А-а, классно, что ты позвонил, – зашебетала Вигга.

– Оставь, Вигга. Я слишком уставший и больной для пустого трепы.

– Ты болеешь!.. Ну тогда давай пообщаемся в другой раз.

О боже! Очевидно ведь, что она хочет поговорить именно сейчас.

– Что-то насчет денег? – предположил Мёрк.

– Карл! – Ее голос звучал чересчур взволнованно, поэтому Карл по-быстрому глотнул еще виски. – Гюркамаль сделал мне предложение.

В ту же секунду Карл испытал на себе, что виски очень сильно обжигает слизистые, попадая в нос. Он пару раз кашлянул, вытер кончик носа, не обращая внимания на то, что из глаз хлынуло ручьем.

– Вигга, это уже называется двоебрачием. Ты замужем за мной, неужели забыла?

Она рассмеялась.

Карл вскочил с кровати и поставил бутылку.

– Повтори еще разок! Так вот каким способом ты решила потребовать развода? Неужели ты думаешь, что я, сидя в эту священную среду у себя дома на кровати, способен спокойно воспринять твоё сокрушительное для меня известие? Вигга, у меня, черт возьми, нет средств на развод, ты прекрасно знаешь. Я не смогу сохранить дом, где я живу, если сейчас нам придется делить имущество. Дом, где живет твой сын и, кроме того, еще два постояльца. Ты ведь не станешь требовать его, Вигга. Вы с твоим Гюркамалем можете просто съехаться, зачем непременно жениться?

– Наш Ананд Карадж¹⁰ состоится в Патиале¹¹, где живет его семья. Разве не здорово?

– Вигга, погоди. Ты не слышала, что я сказал? Ты себе представляешь, как я сейчас должен уладить процесс развода? Разве мы не договаривались, что должны считаться друг с другом, когда все зайдет настолько далеко? И при чем тут какой-то Ананд Карадж, о котором ты упоминала? Я совсем ничего не понимаю.

– Ананд Карадж, дурачок, во время которого мы склонимся над священной книгой «Гуру Грантх Сахиб», чтобы общественность официально признала наш брак.

Карл бросил молниеносный взгляд на стену спальни, где все еще висело несколько маленьких ковриков, оставшихся с того времени, когда Вигга бредила индуизмом и балийскими таинствами. Осталась ли на свете религия, какой она еще не успела полностью отдаться за все эти годы?

– Я абсолютно не понимаю, Вигга. Неужели ты на полном серьезе хочешь, чтобы я отвалил три-четыре сотни тысяч ради того, чтобы ты вышла замуж за мужчину, способного притеснять тебя целыми днями, да еще с волосами полуторакилометровой длины, спрятанными под тюрбаном?

¹⁰ Сикхская церемония брака, «блаженный» или «радостный союз».

¹¹ Город в индийском штате Пенджаб.

Она рассмеялась, как школьница, отстаивающая свое желание проколоть уши.

Если будет продолжаться в том же духе, скоро он потеряет сознание. Карл потянулся за бумажным носовым платком, лежащим на тумбочке, и высморкался.

– Я смотрю, ты совсем ничего не знаешь об учителе Гуру Нанаке¹². Сикхизм проповедует равенство, медитацию и честное зарабатывание средств на жизнь. А также то, что нужно делиться с бедняками и высоко ценить труд. Тебе не удастся отыскать более чистого образа жизни, нежели тот, что практикуют сикхи.

– Отлично. Если они непременно должны делиться с бедными, не может ли твой Куркумаль начать с меня? Скажем, двести тысяч крон, и мы квиты.

Снова нескончаемый смех.

– Не волнуйся, Карл. Ты одолжишь деньги у Гюркамалы, а потом передашь их мне. Рента твоя совсем невысока, так что про это даже не думай. А что касается стоимости дома, я поговорила с риелтором. В данный момент таунхаус в Рённехольтпаркене в подобном состоянии оценивается в миллион девятьсот тысяч, из них шестьсот тысяч мы еще должны выплатить, так что ты отделаешься только половиной из оставшихся миллиона трехсот и – сохранишь все свое имущество!

Половина! Шестьсот пятьдесят тысяч!

Карл откинулся назад и захлопнул мобильник.

Шок как будто вытеснил вирус из организма. Сердце сильно стучало.

* * *

Карл почувствовал ее аромат еще прежде, чем открылась дверь.

– Проходи, – сказала Мона и потянула его за руку.

Счастье длилось еще три секунды, пока женщина не направилась в гостиную и не подтолкнула его к девушке в облегающем и чересчур коротком черном платье. Та зажигала свечи, склонившись над столом.

– А вот Саманта, моя младшая дочь, – произнесла Мона. – Она с нетерпением ждала встречи с тобой.

Взгляд, следовавший со стороны этого клона матери, только лет на двадцать моложе, не выражал такой уж бурной радости. Напротив, Саманта быстро скользнула глазами по его залысинам на висках, слегка неуклюжей фигуре и галстучному узлу, который внезапно оказался слишком тугим. Зрелище явно не впечатлило ее.

– Привет, Карл, – поздоровалась она, и даже в этих словах выразилась нехилая порция неприязни по отношению к легкой добыче мамы.

– Привет, Саманта, – ответил Карл, попытавшись обнажить зубы в подобии гримасы восторга.

Чего там Мона наплела о нем, если разочарование на лице ее дочери проявлялось столь явно?

Ситуация отнюдь не улучшилась, когда в комнату ворвался какой-то мальчик, бросился на пол и швырнул Карлу в ноги пластиковый меч.

– Я опасный грабитель, – орал белокурый монстр по имени Людвиг.

Обалдеть, надо же, какое чудодейственное влияние все это оказало на простуду. Если сегодня Карлу предстоит еще разок испытать шоковое состояние, он полностью выздоровеет.

Стремясь произвести впечатление, с первым блюдом Мёрк справился, улыбаясь, чему выучился по многочисленным фильмам с участием Ричарда Гира, однако, когда на столе появился гусь, Людвиг вытаращил глаза:

¹² Основатель религии сикхизма.

– У вас что-то капает в соус. – С этими словами он показал пальцем на нос Карла, тем самым вызвав возмущение Моны.

Когда мальчик принялся молотить какой-то вздор о шраме на виске гостя, а к тому же отказался верить в то, что у полицейского имеется настоящий пистолет, Карл созрел для контрнаступления.

«Господи, – мысленно произнес он, воздев глаза к потолку, – если ты сейчас же не поможешь мне, через десять секунд одному мальчику не поздоровится».

Чудом, спасшим его, оказалось не бабушкино понимание того, что ситуация накаляется, и не воспитательные меры молодой матери. Им оказалось жужжание в заднем кармане, предвещающее, что спокойствия этим вечером не видать.

– Прошу прощения, – извинился Карл и полез за мобильником. – Да, Асад, – ответил он, увидев номер, высветившийся на экране.

В данный момент Мёрк был готов ответить на любой звонок. Ибо ему надо было лить отсюда.

– Извини за беспокойство, Карл. Но не можешь ли ты мне сказать, какое количество людей в Дании ежегодно добавляется к числу без вести пропавших?

Загадочный вопрос, на который можно дать столь же загадочный ответ. Превосходно.

– Думаю, тысячи полторы... Ты где сейчас?

Всегда удобная фраза.

– Мы с Розой до сих пор в подвале. Карл, а сколько из этих полутора тысяч к концу года так и не удастся найти?

– Всегда по-разному. Не более десяти человек.

Карл поднялся из-за стола, постаравшись принять чрезвычайно занятой вид.

– В деле есть какие-нибудь подвижки? – спросил он.

Тоже неплохая реплика.

– Не знаю, – ответил Асад. – Сам мне скажи. Потому что за ту же неделю, когда исчезла Рита Нильсен, без вести пропали еще двое, а еще один человек – на следующей неделе, и никого из них так и не нашли. Тебе это не кажется довольно странным? Четверо за такой короткий срок, что скажешь? Примерно столько же, сколько обычно за полгода.

– Боже всемогущий, я выезжаю сейчас же!

Фантастическая финальная реплика – даже Асад, вероятно, слегка удивился. Когда в последний раз Мёрк реагировал настолько молниеносно?

Карл обратился к собравшейся компании:

– Прошу меня простить! Наверное, вы успели заметить, что я сегодня выгляжу несколько отсутствующе. Отчасти по причине чрезвычайно сильной простуды, так что искренне надеюсь, я никого не успел заразить. – Он шмыгнул носом, дабы не быть голословным, и осознал, что нос был абсолютно сухим. – Хм... а отчасти из-за того, что в данный момент на нас висят четверо пропавших без вести и невероятно жестокое убийство на Амагере и мы должны немедленно расследовать эти дела. Мне действительно очень жаль, но я должен покинуть вас. В противном случае все может пойти наперекосяк.

Карл уставился на Мону. У нее был встревоженный вид.

– То самое старое дело, которым ты когда-то занимался? – спросила она, проигнорировав его комплименты относительно прекрасно проведенного вечера. – Будь осторожен, Карл. Неужели ты еще не осознал, насколько глубоко оно затрагивает тебя?

Он кивнул:

– Да, и оно в том числе. Но не беспокойся за меня, я не собираюсь ни во что влезать. Я в порядке.

Женщина нахмурилась. Дьявол, что за дерьмовый вечер! Сделано два шага в обратном направлении. Дурацкое знакомство с семейством. Ее дочка возненавидела его. Он возненави-

дел ее внука. Откушал совершенно невкусного гуся и капнул соплями в соус, а, кроме того, теперь Мона вновь вспомнила о том проклятом деле. Она непременно снова натравит на него псевдопсихолога Криса.

– В полном порядке, – добавил он, прицелившись в парнишку сложенными в форме пистолета пальцами и с улыбкой спуская курок.

В следующий раз нужно будет заранее расспросить Мону о том, сюрприз какого рода она для него припасла.

11

Август 1987 года

Таге услышал стук крышки почтового ящика и принялся ругаться. С тех пор как он повесил табличку «Не для рекламы, спасибо», письма ему приходили только от налоговых органов, а от них нечего ждать хорошего. Таге никогда не понимал, почему их так выводили из себя убогие гроши, которые он присваивал себе, залатав шину, прочистив свечи зажигания или отремонтировав карбюратор мопеда. Может, они предпочли бы видеть его стоящим с протянутой рукой в кассе взаимопомощи в Миддельфарте или им больше понравилось бы, если бы он ходил на воровской промысел в коттеджный поселок у пляжа Скоруп, как другие парни, с кем он вместе выпивал?

Он потянулся за винной бутылкой между кроватью и ящиком пива, служившим вместо тумбочки, и проверил, не переполнилась ли бутылка за ночь, затем поднес к промежности и помочился в нее до самого верха. Обтерев руки о пододеяльник, Таге поднялся. Он уже устал от того, что эта фифа Метте Стамме жила у него, так как уборная находилась как раз позади ее комнаты в жилом доме. Здесь же, в мастерской, построенной перед домом, прогнили половицы и свистел ветер, а зима вот-вот придет, и оглянуться не успеешь.

Таге осмотрелся. Страницы из старых журналов «Раппорт»¹³ с потертыми краями, на залапанных снимках – голые девушки. Ступицы, колеса, запчасти от мопедов лежали повсюду и подтекали, оставляя на бетонном полу въедающиеся круги и полосы от моторного масла. Нельзя сказать, что подобным жилищем можно гордиться, но зато оно целиком принадлежало ему.

Таге протянул руку наверх и нащупал на полке пепельницу, полную недокуренных окурков. Выбрав лучший, неторопливо затянулся, пока жар не преодолел последние миллиметры и не придвинулся вплотную к пальцам, обожженным маслом. Затем Таге взял трусы, ступил на холодный пол и направился к двери. Сделав всего один шаг, он как раз сумел дотянуться до почтового ящика. Это был превосходный ящик, сколоченный из ДСП; с такой толстой крышкой, словно ее приладили на заре времен.

Сначала Таге хорошенько оглядел улицу. Чтобы потом никто не жаловался на то, что видел его посреди Брендерупа в заляпанных серыми пятнами трусах, с отвисшим животом. «Узколобые бабы, которые не выносят вида мужчины в самом расцвете сил» – так он имел обыкновение называть их в беседе со своими приятелями в пивной. Его излюбленное словечко – «узколобый». Оно звучало до одури интеллигентно.

Новое письмо, к большому удивлению, оказалось упаковано не в конверт с прозрачным окошком, какие приходили от налоговиков или из коммуны; это был самый обычный белый конверт с почтовой маркой. Такие письма он не получал уже многие годы.

Таге приосанился, как будто в этот самый момент за ним следил отправитель письма или, скорее, как будто само письмо обладало глазами и могло оценить, достоин ли получатель прочитать заключенное в нем послание.

Почерк был незнакомый, но зато имя адресата было написано изящными завитками, элегантно простертыми по бумаге, и это пришлось Таге по душе.

Он перевернул конверт и почувствовал, как адреналин немедленно хлынул в кровь. Словно влюбленный, он ощутил прилив тепла к щекам, а глаза выкатились из орбит, как у затравленного зверя. Уж от кого, а от Нэте он письма не ожидал. От Нэте Германсен, его кузины. С адресом и всеми причиндалами. От этой женщины он никогда в жизни не рассчитывал получить весточку. И не без оснований.

¹³ «Раппорт» – один из старейших датских мужских журналов.

Таге сделал глубокий вдох и на мгновение задумался, не положить ли письмо обратно в ящик. Как будто ветер, ненастье или даже сам почтовый ящик были готовы поглотить конверт, буквально вырвать из рук, так чтобы тому не пришлось узнать содержание письма.

Такие чувства он испытывал.

* * *

Благодаря опыту, полученному на ферме отца, старший брат Нэте, Мэдс, узнал, что, подобно остальным живым существам, люди делятся на две группы: самки и самцы. И можно было не знать больше ничего. Между этими двумя группами распределялись все тайны мира: война, семья, работа и то, что происходит внутри дома. Все сферы жизни были разделены так, что либо одна, либо другая часть человечества занималась ими.

И вот Мэдс собрал во дворе своих младших братьев, сестер и кузена, спустил штаны и показал на свой половой орган:

– Если у тебя есть такая штукавина, ты принадлежишь одному полу. А если вместо нее щель – то другому. Вот так все просто.

И братья вместе с Таге рассмеялись, после чего Нэте тоже спустила трусы, чтобы таким довольно детским способом продемонстрировать солидарность и понимание.

Особенно понравилась новость Таге, так как там, откуда он приехал, переодевались всегда в темноте и, по правде сказать, он никогда толком не понимал, в чем заключается различие между мужчиной и женщиной.

Это было первое лето, проведенное Таге у своего дяди. Намного интереснее жарких дней в порту Ассенса и узеньких переулках, где они вместе с другими пацанами играли между нагромождениями ящиков размером с Эйфелеву башню и мечтали однажды отправиться в дальнее плавание.

Они хорошо проводили время вместе с Нэте. Близнецы тоже оказались хорошими друзьями, но Нэте все равно была лучше, хотя и на восемь лет младше его. С нею было так легко... Она смеялась, как только он задирает верхнюю губу. С готовностью участвовала в самых нелепых проделках, стоило только позвать ее.

Впервые в жизни кто-то смотрел на Таге с восхищением, и ему это очень нравилось. Поэтому он выполнял всю тяжелую работу, какую поручали Нэте.

Когда Мэдс и близнецы покинули небольшую ферму, девочка осталась с отцом. Летние деньки она проводила в обществе Таге, и он хорошо помнил, насколько тяжело ей пришлось. Особенно из-за травли со стороны односельчан и непредсказуемого настроения отца, а также его сложного, а иногда даже несправедливого отношения.

Они с Нэте не были влюблены друг в друга, а просто были близкими друзьями. Им предстояло полностью осознать, что человечество составляют люди двух полов и они порой вступают друг с другом в сложные и запутанные отношения.

Поэтому именно Таге просветил Нэте, каким образом люди размножаются; он же, сам того не желая, забрал у нее всё...

* * *

Он тяжело опустился на кровать и посмотрел на бутылку, стоящую на токарном станке, и подумал: что лучше – хлебнуть вишневой настойки до или после прочтения письма.

Тем временем он услышал из гостиной отхаркивание своей квартирантки Метте. Как правило, подобные звуки не ассоциируются с женщиной, но он к ним уже привык. Неплохо было лежать с ней под одеялом холодным зимним днем, но представителям коммуны пришлось в голову, что у них серьезные отношения, и их лишили социальной помощи.

Таге взвесил письмо на ладони и вытащил из конверта. Это был замечательный лист бумаги с цветочками, сложенный вдвое. Он ожидал снова увидеть рукописный текст, однако, развернув письмо, обнаружил, что оно отпечатано. Мужчина спешил прочитать его, чтобы поскорее избавиться от мучений. Он созрел для глотка вишневой настойки, когда дочитал до места, где было написано, что Нэте подарит десять миллионов, если он к определенному времени прибудет в определенное место в Копенгагене. Таге выпустил письмо из рук, и оно скользнуло на бетонный пол, при этом из конверта выпал второй листик.

И тут мужчина увидел, что к нему скрепками прикреплен чек, а на чеке стоит его имя и сумма в две тысячи крон.

Так много денег давно не попадало ему в руки – единственное, о чем он мог сейчас думать. Все остальное казалось нереальным. Какие-то миллионы, болезнь Нэте... Все остальное!

Две тысячи крон, черным по белому! Даже в бытность свою моряком Таге не получал столько в конце месяца. И когда трудился на прицепном заводе, прежде чем тот переехал в Нёрре-Обю и избавился от пьянчужки Таге.

Он отсоединил чек и слегка подергал его.

Да, самый что ни на есть настоящий.

* * *

Нэте была веселой, а Таге полон сил. Когда к единственной фермерской корове привели быка, Нэте спросила Таге, есть ли у него такой же ствол, а когда Таге продемонстрировал свое достоинство, она завопила от восторга, словно это была одна из шуток, отвешенных ее братьями-близнецами. Даже целуясь с ним, она оставалась бесшабашной и беззаботной, и Таге был счастлив. Он подбирался к ней, желая попробовать совокупиться, ибо его мысли о Нэте всегда были связаны с такими темами, несмотря на то что она оформилась как женщина совсем недавно. И вот красивая солдатская форма коричневого цвета, пилотка, заткнутая за пояс, тонкая талия – наконец его внешний вид подействовал на Нэте.

Нэте считала Таге взрослым и, когда он попросил ее раздеться на чердаке и осчастливить его, не стала колебаться. Да и зачем? Ведь все утверждали, что так все и происходит между самцом и самкой.

И поскольку ничего страшного не произошло, они случайным образом подтвердили то, чему уже были обучены: ничто не может сравниться с тем блаженством, какое может дать близость их тел.

В пятнадцать лет девушка забеременела. И хотя она сама была счастлива и сказала Таге, что теперь они будут вместе на всю жизнь, он напрочь отказался от отцовства. Он закричал, что если даже действительно является отцом ее отпрыска, то ничего хорошего ждать не приходится, потому что Нэте несовершеннолетняя, а значит, его могут обвинить в уголовном преступлении. А он не собирается за решетку.

Отец недолго слушал объяснения Нэте. Он жестоко поколотил Таге, но тот все равно продолжал все отрицать. Братья Нэте тоже увивали от расспросов, поэтому пришлось поверить парню.

С тех пор Таге никогда не встречался с Нэте. До него доходили кое-какие слухи о ней, и иногда он испытывал сильное чувство стыда.

В конце концов он предпочел обо всем забыть.

* * *

Таге готовился два дня. Погружал руки в смазочное масло, растирал и скоблил до тех пор, пока растрескавшаяся кожа не стала розовой и приятной на вид. Брился несколько раз в день, пока снова не стал гладким и лоснящимся. В парикмахерской Таге встретили как вернувшегося блудного сына, но стрижка, мытье и обильная обработка туалетной водой были произведены с такой дотошностью, на какую способны только настоящие специалисты. Зубы он полировал пищевой содой, пока не закровоточили десны. После чего отражение Таге в зеркале стало напоминать эхо былых времен. Если ему причитается десять миллионов, он должен принять их подобающим образом. Пускай Нэте увидит его таким, словно он прожил достойную жизнь. Она должна увидеть в нем того парня, который заставлял ее смеяться.

Он сильно переживал. Каким образом ему на пятьдесят восьмом году жизни подняться со дна и выглядеть состоявшимся человеком? Ведь на него будут направлены пристальные и, возможно, даже враждебные взгляды.

По ночам Таге мечтал, что его уважают, ему завидуют, что вернулись былые времена. Черт его знает, зачем вообще жить в этом жалком обществе, которое смотрит на него как на чумной бубон. Черт его знает, зачем жить в населенном пункте с менее чем полутора тысячами жителей, где даже железная дорога зачахла, а настоящей гордостью города считается прицепный завод. Давным-давно завод переехал, а на его месте образовалась новая народная школа с убогим названием «Северная народная школа мира».

Таге отыскал самый большой мужской магазин в Богенсе и приобрел там прекрасный костюм с синеватым отливом. Продавец, криво улыбнувшись, назвал его последним писком моды. С учетом громадной скидки костюм стоил ровно столько, чтобы от записанной в чеке суммы осталось некоторое количество крон на бензин для мопеда и билет из Эйбю до Копенгагена.

Триумфальный момент настал, когда Таге взгромоздился на свой «ВелоСолекс» и помчался по городу. Никогда еще взгляды, обращенные в его сторону, не были такими приятными для него.

Никогда еще Таге не был настолько готов принять свою судьбу, какой бы она ни была.

12

Август 1987 года

На протяжении 1980-х Курт Вад с большим удовлетворением наблюдал, как консервативные настроения все больше охватывали общество, и вот теперь, в конце августа 1987 года, почти все средства массовой информации предсказывали победу на выборах буржуазному крылу.

Это было благодатное время для Курта Вада и его единомышленников. Партия прогресса яростно ополчилась против иностранцев, и постепенно все больше и больше христианских общин и национальных объединений группировалось вокруг опытных агитаторов-популистов, которые умело размахивали над головой кнутом, ополчившись против морального разврата и разложения, не выказывая ни малейшей мягкости и сентиментальности по отношению к общепринятым принципам прав человека.

Концепция основывалась на том, что люди не рождаются равными и для равенства и с этим надо смириться и принять как должное.

О да, для Курта Вада время было просто прекрасное. Постепенно фолькетинг и определенные общественные движения стали позитивно относиться к партии. Одновременно хлынули потоки вложений в любимое детище Курта – компанию «Чистые линии». Он упорно трудился с целью развить ее в партию со множеством локальных объединений и представительством в Кристиансборге. С этими переменами в сфере морали словно произошел возврат к 1930-м, 1940-м, 1950-м годам; по крайней мере, было очень далеко от отвратительных 1960-х или 1970-х, когда молодежь с шумом выходила на улицы и проповедовала свободную любовь и социализм. Тогда убогие личности из самых низов общества возвысились, а асоциальное поведение объяснялось виной государства и самого общества.

Нет-нет, теперь все обстояло иначе. Теперь, в 1980-е, каждый превратился в кузнеца собственного счастья. И некоторые ковали его весьма успешно, что было заметно, ибо каждый божий день в «Чистые линии» Курта поступали добровольные взносы от порядочных граждан и общественных фондов.

Результат не заставил себя долго ждать. В городском офисе «Чистых линий» сидели уже целых две конторщицы, занимающиеся распределением счетов и рассылкой материалов. А по крайней мере четыре из девяти местных представительств еженедельно увеличивались на пять человек.

Наконец-то распространились настроения против гомосексуалистов, наркоманов, несовершеннолетних преступников, а также против промискуитета, дурной наследственности, иммигрантов и беженцев. К тому же объявился СПИД, напомнив о каре Господней.

В использовании подобных настроений не было нужды в 1950-е годы: в то время имелись значительно более удобные средства для манипуляции обществом.

Но сейчас настали прекрасные времена. Идея, лежащая в основе «Чистых линий», распространялась с молниеносной быстротой, хотя никто не озвучивал ее прямым текстом: дурная кровь не должна смешиваться с хорошей.

Общество, стоявшее на страже чистоты крови и моральных ценностей населения и нации, сменило три названия, с тех пор как Курт основал его в ожесточенной борьбе за расовую чистоту и повышение морали в среде простых граждан. В 1940-е оно называлось «Комитет против разврата», затем было переименовано в «Сообщество датчан» и вот наконец преобразовалось в «Чистые линии».

Причем то, что задумывалось практикующим фюнским врачом, а затем усовершенствовалось его сыном, уже отнюдь не являлось частным делом. На данный момент организация насчитывала две тысячи членов, они с радостью платили немалые взносы. Добропорядочные

граждане – адвокаты, врачи, полицейские, воспитатели, священники, – эти люди в повседневной жизни встречались со множеством неприемлемых вещей, и обладали пониманием, что нужно что-то делать с этим, и были способны на активные действия.

Доживи отец Курта до сегодняшних дней, он бы гордился тем, как сильно сын продвинул его идеи, гордился бы и тем, как он управляет организацией, которую на протяжении долгих лет они называли просто «Секретной борьбой». В ее недрах Курт вместе со своими верными единомышленниками совершал не самые чистые дела, стремясь легализовать свои действия с помощью партии «Чистые линии». Эта организация брала на себя смелость делить детей на заслуживших право жить и не заслуживших такого права.

Курт Вад только что завершил запись телефонного интервью для радио об основных официальных идеях «Чистых линий», когда жена положила перед ним на полосу солнечного света посреди дубового стола целую пачку писем.

Обычно в такой куче конвертов чего только не было.

Анонимные письма Курт тотчас же швырял в мусорное ведро. Примерно треть. Затем отсортировывались привычные угрозы и гневные письма. Их отправителей он тщательно записывал, а потом отправлял имена конторщицам в архив организации. Если какие-то из этих имен встречались слишком часто, Курт звонил лидерам местных представительств, а те впоследствии заботились о том, чтобы впредь подобная корреспонденция пресекалась. Существовало множество способов борьбы с такими людьми, ибо у всех есть кое-какие грешки, а на районных адвокатов, врачей и священников можно было отыскать целые архивы компромата. Кто-то назвал бы это шантажом; Курт предпочитал говорить о самообороне.

Кроме того, среди отправителей были люди, желающие стать членами организации, и в отношении их следовало проявлять особую бдительность. Необходимо было убедиться в их лояльности, поэтому стоило тщательно проверять источники. Именно поэтому Курт Вад сам просматривал всю подобную корреспонденцию.

Наконец, оставались наиболее типичные образчики писем, содержащие в себе весь спектр эмоций – от преклонения до нытья и гнева.

В этой последней небольшой стопочке Курт Вад обнаружил письмо от Нэте Германсен. Он не смог удержаться от улыбки, увидев имя отправителя. За многие годы деятельности Курту редко доводилось встречать столь низких личностей. К счастью, ему удалось поставить ее на место. Аж дважды за свою жизнь он пресек аморальное поведение этой женщины и ее пагубное влияние на общество. Жалкая шлюшка...

Но чем же на этот раз побеспокоит его эта убогая женщина? Слезами или руганью? В действительности ему было все равно. Для него Нэте Германсен была пустым местом – как раньше, так и сейчас. Тот факт, что она осталась одна в целом свете после того, как ее глупый муж погиб в автокатастрофе тем самым вечером, нисколько не трогал Курта.

Едва ли она заслуживала большего.

Курт сначала отбросил нераспечатанный конверт в стопку, предназначенную для архива. Но тут в нем пробудилось любопытство. Как много лет назад.

* * *

Впервые он услышал о Нэте, когда председатель школьной комиссии явился в кабинет к отцу Курта с сообщением о девушке, упавшей в ручей у мельницы и истекавшей кровью.

– Возможно, речь идет о выкидыше – на это многое указывает, – заметил председатель. – Если до вас дойдут слухи, что тут замешан кто-то из школьников, не стоит верить. Кроме того, с ней произошел несчастный случай, и, если вас, доктор Вад, позовут к ней в дом, имейте в виду: все, что окажется похоже на следы насилия, – всего лишь следствие падения в ручей.

– Сколько девушке лет? – поинтересовался отец Курта.

– Чуть больше пятнадцати.

– В таком случае беременность нельзя считать нормой, – констатировал он.

– Да и девушка не совсем нормальная, – засмеялся председатель. – Ее вышвырнули из школы несколько лет назад из-за различных беспорядков. Склонность к развратным действиям с мальчиками, невоздержанность на язык, простота нравов и мыслей, насилие по отношению к школьным товарищам и классной даме...

При этих словах отец Курта понимающе кивнул.

– А-а, одна из этих, – сказал он. – Слабоумная, могу предположить.

– Именно, – согласился председатель.

– А среди благополучных школьников, которых этот недалекий ребенок чуть не отправил на скамью подсудимых, нет ли кого-либо, кого господин председатель знает лично?

– Есть, – ответил тот, взяв одну из сигар, рядом лежавших в ящике в центре стола. – Один из мальчиков – младший сын золовки моего брата.

– Вот как, – отозвался отец Курта. – Да уж, значит, можно смело сказать, что тут столкнулись разные общественные слои, так?

В тот момент Курту было уже тридцать лет, и он потихоньку начал перенимать врачебную практику своего отца, однако такие пациентки, как Нэте, ему до сих пор не встречались.

– Чем она занимается? – спросил Курт, получив в ответ кивок одобрения.

– Кажется, на ферме помогает отцу по хозяйству.

– А он кто? – поинтересовался Вад-старший.

– Если я не запамятовал, его зовут Ларс Германсен. Мужик. Из очень простых.

– Знаю его.

Конечно, знал. Ведь врач помогал девочке появиться на свет.

– Ее папаша немного странноват, а после смерти жены еще больше тронулся. Во всех отношениях весьма замкнутый и чудной тип. Неудивительно, что девочка пошла в том же направлении.

Вот так все и случилось.

Как и ожидалось, доктора Вада позвали на ферму, где он удостоверился, что девушка оступилась и упала в речку, после чего ее унесло течением и наконец прибило к веткам и камням у самого берега. Если она и говорила что-то иное, то это нужно было списать на шокое состояние и бред. Прискорбно, что она потеряла много крови.

– А не беременна ли она? – спросил доктор у ее отца.

Курт присутствовал при беседе, как и на всех остальных вызовах своего отца в последнее время, и хорошо запомнил, как внезапно побледнело лицо того человека и как долго он мотал головой.

– Даже не стоит вызывать полицию, – заявил доктор.

Никто не решился досконально разобраться в этой ситуации.

* * *

Вечером ожидались очередные мероприятия, связанные с деятельностью организации, и Курт Вад радовался. Через десять минут он встретится с тремя самыми активными членами «Чистых линий». Они тесно контактируют с представителями правого крыла, а также имеют прекрасные связи с должностными лицами в Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел. Когда-то эти лица пессимистично взирали на текущий курс развития государства, в частности на способы решения проблем иммиграции и воссоединения семей. Их приверженность к делу партии объяснялась просто и логично, как и для всех остальных партийцев: уже сейчас появилось чересчур много чужеродных элементов, проникших в страну. Нежеланных индивидов низшего сорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.